Огонёк

№ 47 1944 год

Командир взвода танков гвардии младший лейтенант А. Михайлов. Экипажу его танка, как лучшему в части, присвоено имя погибшего смертью храбрых Героя Советского Союза гвардии майора Андрея Мамалуй.

Фото М. Редкина

Фронт и тыл

Виталий Тищенко на фронте с первого дня войны. Сейчас 22-летний майор командует стрелковым батальоном. Шесть раз был ранен молодой офицер и снова возращался в своё подразделение. Тов. Тищенко награждён орденами Красного знамени, Кутузова III степени, Александра Невского и орденом Британской империи IV степени.

Боевые друзья, кавалеры ордена Славы, у знамени полка (слева направо): командир орудия гвардии старший сержант Ф. М. Юрченко, гвардии сержант Л. И. Леганцев и гвардии старшина А. Ф. Виноградов — кавалер ордена Славы всех трёх степеней.

Снайпер Роза Шанина истребила 54 гитлеровцев и 3 захватила в плен. Она награждена орденами Славы II и III степеней. До войны тов. Шанина была студенткой Архангельского института лесной промышленности.

Недавно общественность Н-ского завода отметила 40-летний юбилей производственной работы старейшего оружейника страны Александра Александровича Воробьёва. Квалифицированный мастер А. А. Воробьёв только за последний год обучил 35 молодых рабочих. Правительство наградило его орденом «Знак почёта». На снимке: А. А. Воробьёв и его воспитанник, сын фронтовика, лекальщик Иван Сидоров, выполняющий две нормы в смену.

На заводе «Алтайсельмаш» в Рубцовске работают четыре брата Кравченко. Их общий производственный стаж 95 лет. Все они хорошие токари и вырабатывают более двух норм каждый. На снимке (слева направо): Алексей, Семён, Георгий и Сергей Кравченко.

Лучший каталь доменного цеха Косогорского металлургического завода Василий Кумаков. За 8 месяцев он выполнил полуторагодовую программу и обязался до конца года выполнить две годовых нормы.

Колхозники Винницкого района решили построить на свои средства эскадрилью боевых самолётов. На снимке слева: колхозники села Мизякинские хутора сдают в отделение Государственного банка 120 тысяч рублей, собранных на строительство самолётов. Вносят деньги колхозница М. Панасюк и председатель сельсовета Н. Коваленко.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

22-й ГОД ИЗДАНИЯ

Огонёк

№ 47 (914)

1944 год

ВЕЧНО БУДЕТ ЖИТЬ ОБРАЗ КИРОВА В СЕРДЦЕ СОВЕТСКОГО НАРОДА

НЕМЕРКНУЩЕЕ ИМЯ

Декабрь напоминает вновь:
В сердца бойцов и командиров
Вошло горячее, как кровь,
Немеркнущее имя — Киров.

Оно живёт врагам на страх,
Зовёт на подвиг, кличет к бою,
И на земле и на морях
Звучит напутствием герою.

Как часто звук его простой
Рождал напев бойцам на помощь:
«Не быть у немца под пятой
Стране, где жил Сергей Мироныч!»

Рождался, накалялся гнев
Святой, способный двигать горы...
И повторили тот напев
Освобождённые просторы.

Ты слышишь, храбрый мой собрат,
Неутихающее эхо?
За Вислой, за грядой Карпат
Оно с тобой, как знак успеха.

И, где бы ни был, — не забудь,
Что в дни войны и в годы мира
Ты продолжаешь тот же путь,
Которым шёл бессмертный Киров.

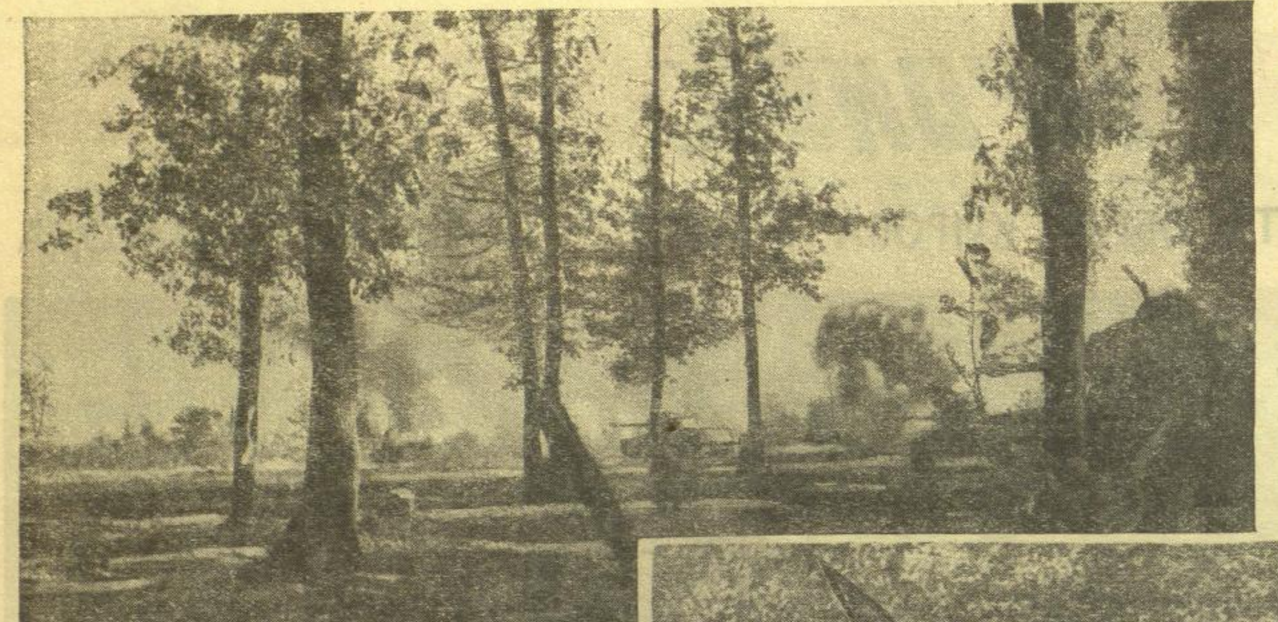
Когда придёшь на торжество,
Скажи товарищам в беседе
О том, что Сталин вёл его,
Как и тебя теперь, к победе.

Александр ЖАРОВ

ЗАСЛУЖЕННАЯ НАГРАДА

Фото П. Асинна

Большой, славный путь прошли танкисты гвардейского танкового полка. Особенно отличились они в боях за освобождение Прибалтики. Полк награждён орденом Красного знамени.

Грозные боевые машины двинулись в наступление (снимок вверху). У танкистов нынче большой праздник: вручение правительственной награды. Командир полка прикрепляет к боевому знамени полка орден Красного знамени (снимок справа)

Снова в поход — громить и гнать немецких захватчиков. На снимке в круге: славные гвардейцы, отличившиеся в недавних боях,— командир танка старший лейтенант Я. Н. Тищенко (слева) и артиллерист старшина В. Я. Маляренко.

ДНЕВНИК ВОЙНЫ

Я. Викторов

11 декабря 1944 года.

НА ПОДСТУПАХ К БУДАПЕШТУ

Двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырёх орудий салютовала Москва 9 декабря доблестным войскам 2-го Украинского фронта, которые прорвали немецко-венгерскую оборону северовосточнее Будапешта и, расширив прорыв до 120 километров по фронту, продвинулись в глубину на 60 километров и вышли к реке Дунай севернее Будапешта. Одновременно войска фронта южнее Будапешта форсировали Дунай, прорвали оборону противника на западном берегу реки и соединились у озера Веленце с войсками, наступающими вдоль западного берега Дуная на север.

Чтобы яснее представить себе обстановку, необходимо напомнить, что этому прорыву предшествовал другой, когда войска 3-го Украинского фронта сломили немецко-венгерскую оборону в треугольнике между Дравой и Дунаем и начали наступление на север и на запад, в районе озера Балатон. Нетрудно видеть, что столица Венгрии захватывается в железные клещи, причём одновременно советские войска продолжают свой марш к границам Австрии.

Победоносное наступление Красной Армии вызвало серьёзнейшую тревогу в Берлине и явную панику в самой Венгрии. Горе-правители Венгрии срочно эвакуируют военные и гражданские предприятия в Германию. Из Будапешта убралось не только «правительство» Салаши, убрался и венгерский, с позволения сказать, парламент, который заседает в каком-то городке у австрийской границы.

Немецко-фашистская печать, которая только недавно трубила о «непреодолимости» немецко-венгерской обороны, сейчас винит во всех неудачах венгров, которые и плохо воюют и разложились и т. д. Надо отметить, что число пленных, взятых советскими войсками, всё возрастает — симптом, говорящий о падении боеспособности венгерских войск.

Гитлеровцы не зря в тревоге: они понимают, что их венгерский вассал — при последнем издыхании, что им не удержать Венгрию. А потеря Венгрии будет иметь весьма большие военные и политические последствия.

Военный обозреватель агентства Рейтер, Кимхе, в свою очередь указывает на то новое, что внесло в обстановку наступление Красной Армии в Венгрии. Он пишет: «Германское командование уже не может строить свои планы, учитывая лишь Восточный и Западный фронты. Восточный фронт в Южной Венгрии сейчас ближе к Западному фронту на Рейне в районе Страсбурга, нежели к Восточному фронту на участке Восточной Пруссии». Иными словами, наступление Красной Армии в Венгрии убыстряет темпы окружения гитлеровской Германии, означает дальнейшее приближение войны к границам фашистского логова.

Само собой разумеется, что дальнейшее продвижение Красной Армии приведёт к выпадению и Венгрии — последнего вассала Германии — из гитлеровского блока. Это будет означать завершение внешнеполитической изоляции гитлеровской Германии. Уже сейчас фашистские заправилы упорно твердят, что Германии приходится полагаться только на свои собственные силы и ресурсы. С потерей Венгрии исчезнут последние внешние источники снабжения. А ведь Венгрия была долгое время житницей Германии. И не только житницей...

В ТИСКАХ МЕЖДУ ДВУМЯ ФРОНТАМИ

Дела немцев на Западе хуже со дня на день. К западу от реки Рур, в районе Юлиха союзники с боями продвигаются вперёд. Наиболее значительные операции развернулись в Саарской области, к югозападу от Саарбрюкена, где союзники подошли к укреплениям линии Зигфрида. Войска генерала Паттона закрепились у Диллингена и Саарлаутерна и развивают наступление.

Немцы, которые всё время пытаются изобразить дело так, будто на Западе «никакого движения воды нет», вынуждены признать успех союзников в Саарской области. Так, военный обозреватель гитлеровского агентства Трансоцеан, Серторнус, пишет: «На реке Саар и между этой рекой и Рейном, у Хагенау, американские атаки приняли ещё более ожесточённый характер. В северной части Саарского фронта наметился новый очаг операций — на участке Диллинген — Саарлутерн. Используя благоприятные метеорологические условия, давшие возможность ввести в дело крупные силы авиации, Паттону удалось здесь на левом фланге, переправить через реку крупные силы и вклиниться в передний край германских западных укреплений».

Если к этим признаниям врага добавить сообщение союзного командования о том, что войска союзников вновь продвинулись в районе Нижних Вогез, то станет ясно, что на всём фронте обстановка сложилась для немцев явно неблагоприятная. А ещё менее благоприятны перспективы, потому что союзное командование располагает огромными резервами, а у немцев резервы на исходе. Тех 75 дивизий, которыми они располагают на Западном фронте, не хватает для обороны в настоящее время. Каково же, спрашивается, будет положение немцев, когда начнётся большое наступление? А что оно начнётся, в этом немцы не сомневаются и не создают себе на сей счёт никаких иллюзий.

Мало того: они знают, что удары последуют и с востока и с запада. Так, немецко-фашистская газета «Гакенкрейцбаннер» со страхом пишет о несомненной «координации англо-американского и советского наступления».

Впереди большие битвы завершающего этапа войны. Их исход предрешён: гитлеровскую Германию ждёт разгром.

УПРОЧЕНИЕ ПРОТИВОГЕРМАНСКОЙ КОАЛИЦИИ

Гитлеровский блок распался, он рассыпался под сокрушительными ударами Красной Армии. Впротивовес этому крепнет фронт противогерманской коалиции. Яркое тому свидетельство — исход переговоров, происходивших в Москве, в связи с пребыванием в советской столице главы Временного Правительства Французской Республики генерала де Голля и министра иностранных дел г. Бидо.

Как указывается в официальном советско-французском коммюнике, «пребывание в Москве генерала де Голля, Председателя Временного Правительства Французской Республики, и г-на Бидо, Министра Иностранных Дел, было отмечено многочисленными проявлениями симпатии, которая объединяет народы Франции и Советского Союза и которую усилили испытания, перенесённые во время войны».

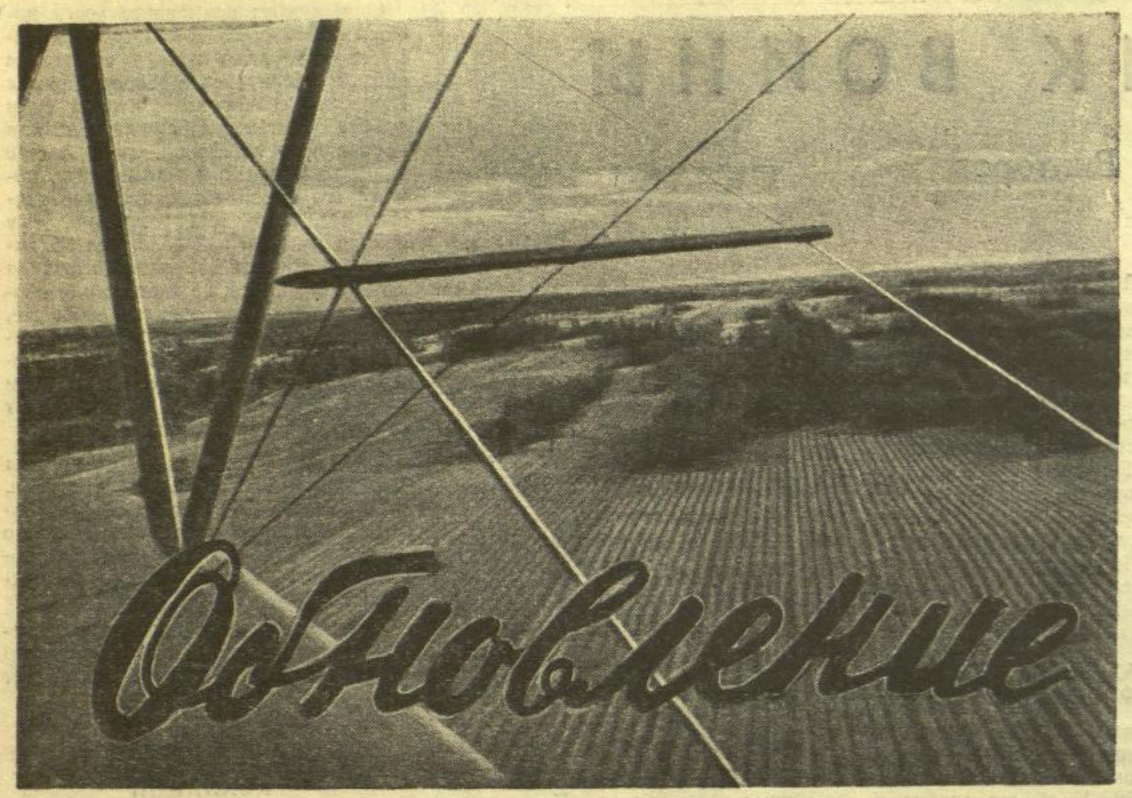
Предметом переговоров были вопросы, относящиеся к продолжению войны, к организации мира и безопасности и в особенности к германской проблеме.

«Оба правительства, — говорится в коммюнике, — подтвердили снова своё решение вести военные действия до полной победы над Германией и свою волю принять совместно все соответствующие меры для предохранения Европы от новой агрессии».

В итоге переговоров 10 декабря был подписан договор о союзе и взаимопомощи.

Сообщение о плодотворных итогах переговоров было встречено с удовлетворением как в Советском Союзе и Франции, так и во всех свободолюбивых странах. Так, агентство Рейтер в первом отклике на советско-французское коммюнике сообщило, что заключение франко-советского договора о союзе встречено с большой сердечностью в английских официальных кругах. По словам дипломатического обозревателя агентства, с подписанием договора, который, по его мнению, является дополнением к англо-советскому договору о союзе от 1942 года, основы мира и безопасности в Европе неизмеримо окрепнут.

В апреле нынешнего года советский посол в США тов. А. Громыко (справа) передал тогдашнему Государственному секретарю США г. Хэллу ордена, которыми советское правительство наградило военнослужащих армии, флота и торгового флота США. На фото, недавно полученном из США, запечатлена церемония передачи орденов.

З. Островский

В Вильнюсе, в подвале типографии, мы сверстали в ночь с 22 на 23 июня 1941 года очередной номер городской газеты «Красное знамя», посвящённый первому дню войны. Бомба с немецкого самолёта разорвалась во дворе редакции. Вместе с нами находился старый метранпаж, выпускавший подпольные газеты ещё в царской России. Мы поехали на машине собирать стереотипёров и печатников.

Вильнюс пылал. Улицы были засыпаны битым стеклом. Люди, обезумевшие от горя, вытаскивали из горевших домов какие-то пожитки. Надрывно плакали дети.

Мы вернулись в типографию. На талере лежали приготовленные к печати свёрстанные полосы первого военного номера газеты. При свете единственной лампочки девушка-корректор правила гранки. Одна из статей касалась судьбы наполеоновской армии. Помню строки из этой статьи:

«129 лет назад наполеоновские солдаты, по пятам преследуемые русскими, словно, воры, крадучись, выбирались из Вильно, чтобы поскорее добраться до прусской границы. Та же участь ожидает и гитлеровские банды, осмелившиеся посягнуть на священные границы советской державы».

В ту ночь нам не удалось выпустить газету: фашистская бомба разорвалась рядом с типографией. Погас свет, с грохотом и звоном на талер обрушилась огромная рама итальянского окна, вырванная воздушной волной. Рассыпался набор. Старик-метранпаж беспомощно шарил по полу, пытаясь собрать разбросанные свинцовые строчки.

Газета не вышла. На рассвете группа сотрудников редакции обратилась к военному комиссару с просьбой отправить её на фронт.

Ночью началась эвакуация города.

Фашистские лётчики беспощадно расстреливали и бомбили мирное население, спасавшееся из пылавшего города. Они гонялись за охваченными ужасом людьми, бежавшими по полям. И каждый, кто в эти страшные первые часы войны испытал на себе её ужасы, покидая родные места, жил одной думой, одной мечтой: «Мы вернёмся!»

Советские воины сдержали своё слово.

Они вернулись туда, где начиналась война, пришли с гордо поднятой головой, как победители. Литовский крестьянин, убирая хлеб на своём поле, видел нашу силу и радовался победе. Никогда ещё по этой земле не проходило столько танков, как во время нашего наступления. Никогда ещё над тучными литовскими полями, над синими дремучими лесами не пролетало столько боевых самолётов. Литовский крестьянин увидел нашу силу, поверил в неё. Красная Армия сумела его освободить, она сумеет и защитить.

Немцы писали в своих газетах: «Литва — это капля воды на раскалённом камне». Это означало, что Литва как самостоятельное государство должна исчезнуть, испариться. Для немцев Литва прежде всего была жирным куском, «бутерляндом». Этот кусок должны были проглотить прожорливые, не насытившиеся в ограбленной Европе профессиональные мародёры. В Литве немцы поделили между собой самые доходные имения. Литовского крестьянина они запрягли в фашистское ярмо. Я слышал рассказ женщины, которая вырвалась из фашистского «трудового» лагеря. Её, как и других заключённых женщин, помимо каторжного труда, заставляли по ночам штопать носки и стирать грязное бельё немецких офицеров. Однажды комендант лагеря вызвал её к себе. Он ткнул женщине в лицо заштопанный носок и спросил:

— Ты это штопала?

— Я,— ответила она.

— По-твоему, это штопка?! — заорал комендант, швырнув носок в лицо женщине.— Пойдёшь на поле работать вместо лошади.

Её запрягли в ярмо, и с утра до вечера она таскала плуг по земле, присвоенной немецким помещиком.

Тысячи литовских интеллигентов погибли от руки фашистских убийц. Сотни бежали в леса к партизанам. Другие боролись против оккупантов, как могли. В Литве выходили подпольные антифашистские газеты и листовки. Библиотекари литовской Академии наук сохранили в Вильнюсе большой отдел «Советика», состоявший из 10 тысяч томов советской новейшей литературы. Комнаты, где хранились книги, три года находились под замком; сюда не допускался никто, кроме немногих, посвящённых в эту тайну. Много советских книг сохранилось и в каунасской Городской библиотеке.

В мрачные годы оккупации крестьяне и горожане скрывали у себя людей, за которыми охотилось гестапо. Я познакомился с настоятелем костёла св. Троицы ксёндзом Брониславом Паукштисом. В годы оккупации он спасал детей от уничтожения и насильственного увоза в Германию, выдавая им метрические свидетельства о том, что они уроженцы Каунаса и крещены в его костёле. Паукштис устраивал русских и еврейских детей на воспитание к своим прихожанам. Он спас таким образом около 200 детей. Я видел русскую девочку Люсю Бринцеву из города Дятьково, Орловской области. Она живёт в Каунасе, на Туннельной улице, в доме № 25, в семье железнодорожного служащего Сорочинского, и принята здесь, как родная дочь. На проспекте Сталина, в доме № 52, в семье пенсионера-ремесленника Палелейко, воспитывается, как родной сын, 8-летний русский мальчик Геннадий Бойков.

Вместе с Красной Армией в литовские города вернулись директора заводов и фабрик, инженеры, педагоги, писатели, артисты, художники. Немцы расстреляли и замучили десятки тысяч людей, которые создавали литовскую культуру, строили прекрасные здания, промышленность, развязали сельское хозяйство. Но литовский народ остался жить. Он верен своей советской родине, своей древней великой культуре.

Хотя и много следов горя мы видим вокруг, но каждый литовский патриот переживает сейчас эти дни, как праздник. С небывалым усердием трудятся крестьяне на полях, рабочие — на фабриках, железных дорогах, заводах.

Лучшую в Прибалтике шёлкоткацкую фабрику «Кауно аудиняй» немцы, отступая, разорили, лишив её всего моторного хозяйства; 511 моторов увезены в Германию: варвары думали таким путём прекратить жизнь крупнейшего предприятия, которое давало труд и заработок 2 тысячам рабочих. Прошло менее месяца после изгнания захватчиков, и фабрика вновь ожила. Рабочие и инженеры приспособили моторы, скрытые от немецких бандитов, принесли спрятанное сырьё и вернули жизнь станкам.

Немцы причинили Вильнюсу и Каунасу много зла, они лишили их воды и света. Восстановить водопровод в Каунасе стоило огромных трудов. Но уже значительная часть города имеет воду. То же самое в Вильнюсе. Здесь предстоит колоссальная работа: ведь почти половину городских зданий немцы так или иначе изуродовали,— но снова зацветёт трудолюбивая столица Литвы. К любимым песням литовский народ прибавит ещё одну — о том, как Красная Армия вырвала Литву из цепей рабства и вернула к свободной, счастливой жизни.

* * *

В момент, когда писались эти строки, в Вильнюсе вышел первый за время войны номер советской газеты на русском языке «Советская Литва». Мы верстали эту газету в той же типографии, что и три года назад. Старика-метранпажа нет в живых: его убили немцы. Типография недосчитывает ещё нескольких рабочих: одни погибли на войне, другие не вернулись из партизанских отрядов.

Мы склонились над талером, где три года назад оставили набранный номер газеты «Красное знамя». Старый, видавший виды талер! С его гладкой металлической поверхности сошёл первый номер газеты в освобождённом Вильнюсе.

В КАУНАСЕ. Вышла свежая газета. На снимке вверху: самолёт пролетает над полями Литвы.

Фото Я. Халипа

ФЕНИНО СЧАСТЬЕ

Константин Паустовский

Рассказ

Рисунок В. Ладягина

Поезд отошёл из Москвы ночью. В вагоне было тесно, накурено. Мы вышли отдышаться на тёмную площадку. Ущербный тонкий месяц летел, не отставая от поезда, над вершинами берёзового леса. Как всегда в сентябре, в дверь дуло горьким лекарственным холодком,— запахом речной воды и мокрых ивовых листьев.

На коротких остановках месяц останавливался вместе с поездом, и свет его, казалось, делался гораздо ярче,— должно быть, от внезапно наступавшей тишины. Только тяжело дышал паровоз да из вагона долетал детский плач—дети всегда плачут в ночных поездах.

На площадку вышла женщина в платке, с кошолкой. В спину ей сердитый женский голос сказал:

— Тут и так не продерёшься, а она жестикулирует своей кошолкой! Размахалась, барыня!

— Оставьте вы меня со своим красноречием!— ответила молодым голосом женщина в платке и закрыла за собой дверь.

Мы ехали впервые в эти места. Поезд приходил на станцию поздней ночью, и никто из нас не знал дороги. Я спросил женщину:

— Вы не знаете, как дойти до Бобылина?

— Заблудитесь,— ответила женщина.— Дорога лесная, обманчивая. Я сама иду до Суглинок, вас доведу. Одной мне тоже боязно идти ночью. А от Суглинок до Бобылина — всего три километра.

На станции было безлюдно. Горел среди ночи одинокий фонарь. В сенях тёмного дома, у переезда, захлопал крыльями и пропел петух.

Мы пошли по лесной дороге. Месяц опускался за лесом. Глубокие колеи, налитые недавним дождём, блестели в тени. Потом лес раздвинулся, и мы вышли в пойму реки Дубны. Вся она — с кромкой своих рощ и лесов, с дымными громадами седых вётел по берегам, с туманом, стлавшимся над излучинами, с крутоярами и игрою звёзд над чёрными чащами — представлялась нам загадочной и давно желанной страной. Сами мы казались себе странниками, пробирающимися на какие-то далёкие воды, где цветут, не отцветая, плакучие травы, и что ни день, — то синева небес, солнце, паутина, летящая по ветру над пажитями...

— Вот,— сказал мой спутник,— люди мечтают о длинном лете. А я мечтаю о длинной осени — такой вот тёплой, туманной.

Женщина засмеялась.

— Хорошо вы говорите,— сказала она.— Не только у вас, городских, а и у нас, деревенских, бывает такое желание. Иной раз народится такой день, что радости не оберёшься. Каждый колос валяется на стерне, как золотой. Подымешь его, а он тёплый от солнца. И глядишь, какой-нибудь жучок запоздалый на нём сидит, греется, шевелит усами. В избе сухо, светло от сада,— сад даёт от себя жёлтое излучение. Села бы у окошка и никуда бы не уходила. Глядела бы на калину в саду, думала бы... Осенью мельница наша водяная начинает работать, зерно перемалывать. Я на мельнице служу, мельнику помогаю. Мельница, верно, старая, но зря про неё говорят, что на ней только одному чорту махорку молоть.

— А о чём бы вы думали у окошка? — спросил мой спутник.

Женщина долго молчала, потом ответила певучим голосом:

— О счастье людском. Это — наше назначение.

— Чьё назначение?

— Женское.

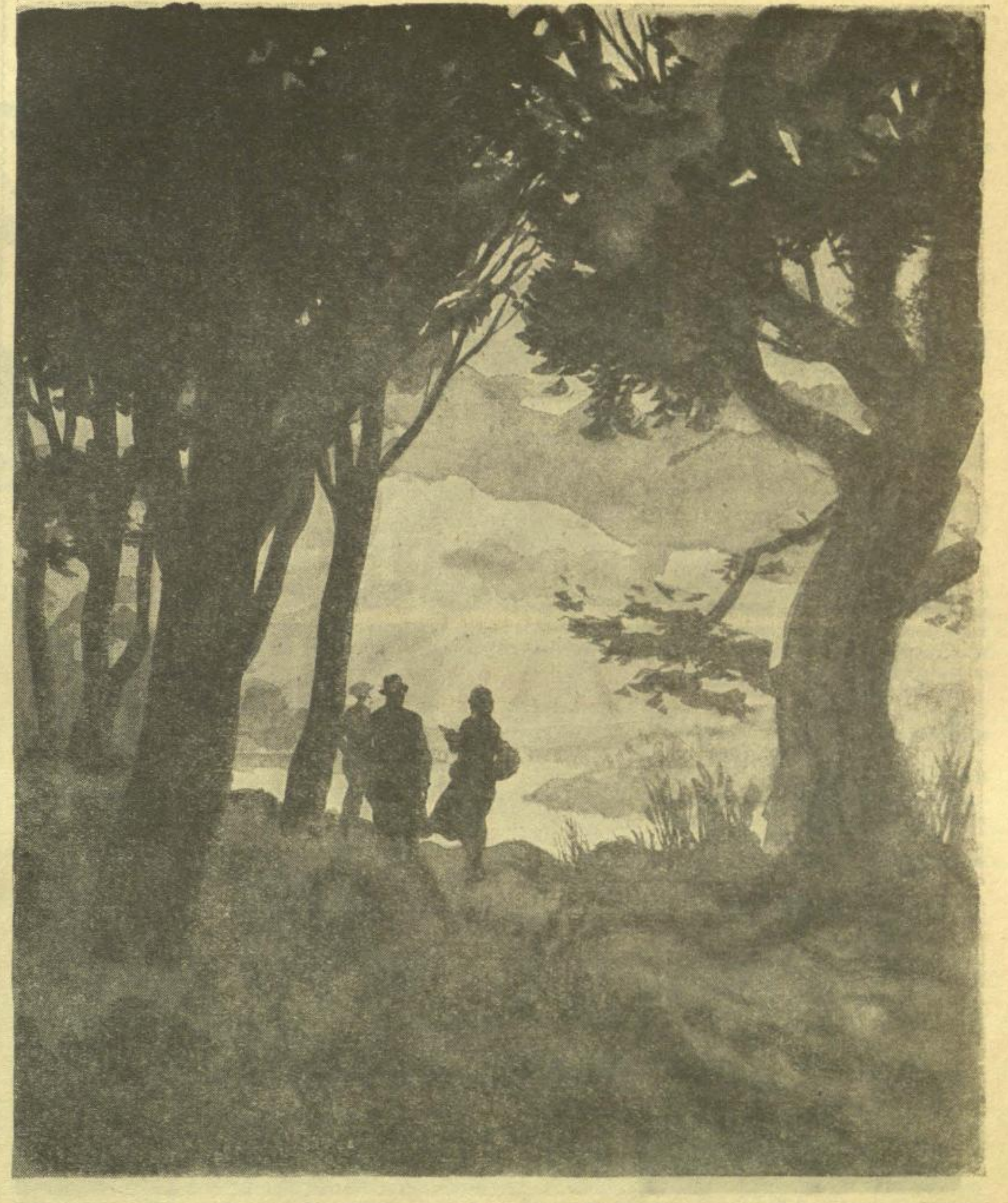
— Неужто только женское?

— Нет, верно, всеобщее,— согласилась, подумав, женщина.— Только женщина более всего к этому предназначена.

— А вам случалось давать людям счастье? — спросил мой спутник.

Женщина снова засмеялась:

— Ох, это трудно! Сама не знаю. Может, и случалось. Для этого знаний у меня мало. Я ведь неучёная. Была работницей на фарфоровой фабрике, бывшей Гарднера, а теперь мукомолю. Вот, слышите?—добавила она, явно желая переменить разговор.— Вода шумит на плотине. Около мельницы.

Заря уже разгоралась... Высоко вспыхнуло золотым пламенем облако...

Мы остановились, прислушались. За тёмной стеной ракит, где небо уже синело от чистой зари, монотонно и глухо падала вода. Этот шум—единственный звук в глубоком безмолвии ночи — утверждал непрерывное движение природы. Должно быть, каждый из нас подумал о лесных ручьях, бегущих среди ночи под буреломом и сгнившей листвой, о том, как мерцают звёзды в заводях Дубны, о белой пене, что плывёт по чёрной запруде и медленно кружится над ямами, где спят на дне рыбы. Поэтому мы оба — и я и мой спутник — позабыли спросить женщину, почему для того, чтобы приносить людям счастье, нужно много знаний. Это было нам непонятно.

Заря уже разгоралась вся в туманах и в необыкновенной своей синеве. Высоко вспыхнуло золотым пламенем облако. Оно уже было освещено солнцем. Всё пространство воздуха между этим облаком и краем земли наполнилось бледным и широким сиянием. Это солнечный свет охватывал и прогревал океаны сентябрьского воздуха над ещё спящей и сумрачной страной. Но через полчаса земля начала одеваться в багрянец, в тусклое серебро ивовых зарослей, в ржавчину сжатых полей, в сырую и яркую зелень озимей, в пурпур осиновых листьев и лимонное золото трепещущих без ветра берёз.

— Вот и Суглинки!— сказала женщина.

Дорога пошла вниз к реке, между вековых осокорей, заросших жёлтыми лишаями.

— Зайдите в избу, выпейте молока на дорогу,— попросила женщина.— У меня своей избы нету. Я живу у подруги—у Варвары. Мы с ней, пожалуй, всю жизнь вместе.

Мы вошли в Суглинки — чистую и пустынную деревню, вымощенную торцами. Фуксии цвели за окнами. Далеко на току гудел барабан молотилки. Чёрная река огибала деревню дугой. Береговые росистые заросли нестерпимо блестели от солнца.

У порога избы на нас залаял белый пёс с отрубленным хвостом. «Шарик!» — предостерегающе крикнул из избы мужской голос, и пёс, ворча, полез под крыльцо, где валялась примятая солома.

В избе за перегородкой кто-то возился, должно быть, одевался. С потолка на длинной нитке свешивался шар из бумаги. Рыжий котёнок с водянистыми глазами играл этим шаром, как футбольным мячом. Около печки шумел самовар.

— Ты, Феня? — спросил из-за перегородки молодой мужской голос.— А мать пошла на реку бельё полоскать. Мы уж заждались. Думали, совсем тебя засосала Москва.

— Это Миша, варварин сын,— шопотом сказала Феня.— Капитан артиллерии. Герой Советского Союза. Он ранен был тяжело, теперь поправляется.

Феня улыбнулась. Глаза у неё были серые, но когда она улыбалась, они темнели, поблёскивали синевой.

Феня сняла платок, поправила русые волосы и ушла в погреб за молоком. Из-за перегородки вышел высокий человек в тёмных очках, в военном кителе. Он приветливо улыбнулся и назвал себя: «Капитан Рябцов». Золотая звезда блестела на кителе, маленькая золотая звезда и две нашивки за тяжёлые ранения. Этот золотой блеск

ЗНАТНЫЕ ГОСТИ В МОСКВЕ. Трудящимся нашей страны хорошо известны имена славных советских патриотов, мужа и жены Ивана и Александры Бойко. Построив на свои личные сбережения танк, они отправились на фронт, участвовали во многих сражениях и только за две недели уничтожили 5 немецких танков. За боевые заслуги Иван и Александра Бойко награждены орденами. Получив в одном из боёв ранения, отважные танкисты находились на излечении в госпитале в Москве. Оправившись и окрепнув, они вновь отправились на фронт. На нашем снимке (вверху) запечатлён момент, когда генерал-лейтенант танковых войск Н. В. Фекленко беседует с отважными танкистами перед их отъездом на фронт. В Москву, на совещание пчеловодов, прибыл знатный саратовский колхозник Ферапонт Петрович Головатый. Он внёс в фонд обороны из личных сбережений 200 тысяч рублей и приобрёл на эти деньги два самолёта-истребителя. На нижнем снимке: Ферапонт Головатый на приёме у наркома земледелия РСФСР Н. В. Жильцова. Слева направо: Н. В. Жильцов, заместитель наркома Г. Г. Рябов и Ф. Головатый.

Фото и текст Ал. Лесс

здесь, в чистой и маленькой избе, был как-то очень кстати,— он вязался со спокойным осенним утром, с ясностью неба, со стоявшей окрест тишиной.

Когда мы выпили молоко и начали прощаться, капитан вызвался нас проводить до поворота на Бобылино.

— Только не взыщите,— сказал он застенчиво,— я быстро ходить не могу. Не из-за ноги, а из-за своих глаз. Я недавно, собственно говоря, прозрел. Очень сложное было ранение глаз, и очень хитрая была операция. Полгода лежал в темноте, как в погребе. А теперь всё вижу, но пока ещё несколько туманно, конечно. Пойдёмте!

По дороге капитан рассказал нам историю своей слепоты.

— Вот вы пишущие люди,— сказал капитан,— но то, что я вам расскажу, описать, очевидно, никак невозможно. Не потому, конечно, что эта тема для вас непосильная, а потому, что я это вам толком объяснить не смогу. Для этого нужно, должно быть, особое дарование. А я им не обладаю.

— Какая-нибудь сложная глазная операция?— спросил мой спутник.

— Нет. Это — своим порядком. Это как раз объяснить сравнительно легко. А тут всё дело в Фене... Замечательная женщина, наша Феня. Не на своём она, конечно, пути. Не тем делом занята.

— А что же ей следовало бы делать?—спросил я.

— Не знаю,— замялся капитан.— Не могу определить её природное назначение. Что-то вроде вашего писательского дела. Во всяком случае, её способности находятся где-то очень близко от него, можно сказать, совсем рядом.

— Любопытно! — заметил мой спутник.

— Ещё бы!—согласился капитан.— Суть в том, что когда я лежал совершенно слепой в госпитале под Москвой — знаете эти места?— тётя Феня, конечно, ко мне приехала. Она у нас всеобщая сердобольница, живёт постоянной жалостью к людям. А на вид — очень строгая женщина, никогда своей жалости не обнаруживает. Одинокая женщина,— живёт не для себя, для других. Я тогда, сами представляете, был в трудном состоянии. Весь мир для меня пропал, и, как нарочно, мучили меня одни только зрительные воспоминания. «Неужели,—думал,—никогда я больше не увижу ни солнца, ни воды, ни туч на небе, ни лиц любимых, человеческих?» Бывало, закричит кукушка за окном, а я сожму кулаки и ругаюсь,— кукушке завидовал. Сидит она на ветке, видит каждую песчинку на земле, а я, как крот, земля для меня — подземелье. И вот приехала Феня. Был я тогда неспокойный, капризный и всё приставал: «Расскажи, Феня, что делается кругом на земле. Скучно мне очень». А она всё боялась, как бы доктора не забранили её, да и мне как бы от её рассказов не сделалось ещё тяжелее. Но всё-таки я её умолил. И начала она мне рассказывать. Обо всём. Глядит за окно и рассказывает всё, что видит. «Вот, мол, за окнами озеро, и над ним от солнца стелется синий такой, тёплый туман, и в тумане этом идёт белый буксирный пароход, светится издали медью и стёклами в окнах кают, тащит за собой баржи с берёзовыми дровами. По дровам бегает чёрная косматая собачонка, лает на чаек. На барже — избушка. Дым поднимается из трубы прямо вверх, к весеннему небу. На окнах в той избушке вазоны с геранью. И герань пышно цветёт. Босая девушка в красном платье качает насосом воду из трюма. Вода льётся за борт, а уклейки играют около падающей воды, ловят червяков, что недавно только мирно жили в трюме, питались берёзовой трухой. Девушка качает воду, поёт: «И кто его знает — на что намекает, на что намекает, на что намекает». Проплыла эта избушка на барже весь путь по великой Руси до самой Москвы». «А ещё что видишь?» — спрашиваю я Феню. «Вижу, говорит, как от озера по потолку твоей комнаты бегут зайчики. Всё бегут, догоняют друг друга и догнать никак не поспеют. Потолок сосновый, светлый, хорошо струганный, и то тут, то там вытекает из него смола. Мальчишкой ты эту смолу, должно быть, жевал?» «Нет, говорю, я вишнёвую смолу жевал». «Вишнёвая слаще,— говорит Феня.— Я завтра тебе принесу вишнёвой смолы». Так вот она мне рассказывала целые дни. И я всему верил. Очень успокаивался. И даже был счастлив. Жаль, что не было рядом никого, кто бы мог записать её рассказы. Получилась бы книга. Только вот не знаю, как эту книгу следовало бы назвать.

— «Фенины сказки»,— сказал мой спутник.

— Нет, это не сказки,— уверенно возразил капитан.— Сильнее надо назвать. И правдивее.

— Ну, тогда «Фенино счастье».

— Тоже неверно. Не фенино, а моё счастье,— снова возразил капитан.— Хотя, пожалуй, и фенино,— добавил он.— Она ведь была счастлива от того, что доставила мне хоть немного успокоения.

Я вспомнил слова Фени о том, что она неучёная и потому ей трудно доставлять людям счастье, рассказал об этом капитану и спросил:

— Как вы понимаете эти фенины слова?

— Да, тут, по-моему, и понимать нечего,— ответил капитан.— Всё ясно.

— А вот нам неясно.

— Видите ли,— сказал капитан,— каждый понимает счастье по-своему. У каждого оно своё. Но есть вещи, которые одинаково у всех людей вызывают подъём и чувство счастья.

— Какие?

— Ну хотя бы стихи Пушкина. Или музыка. Или великолепные здания. Или картины. Я перед Нестеровым в Третьяковской галерее мог стоять часами. Вот об этом счастье Феня и говорила. Для того, чтобы давать его людям, мало таланта. Нужны ещё большие познания.

— А по-моему,— сказал мой спутник,— хватит иной раз и одного таланта. И Феня это доказала в случае с вами.

— Да, пожалуй,— ответил неуверенно капитан и вдруг улыбнулся.— Да, пожалуй,— повторил он уже увереннее.— Одно только жаль, что все фенины рассказы и сказки дальше Суглинок не идут, никто их не знает.

Капитан остановился, показал на серую крышу в лощине среди гущи ив.

— Видите,— сказал он.— Крыша, а около неё, кажется, краснеет бузина. Это и есть бобылинская мельница. Я, может быть, к вечеру тоже туда приду, посижу с вами на реке. Там места удивительные!

Мы простились с капитаном и начали спускаться к реке среди густых зарослей бузины. Внизу уже светилась вода, шумела около мельницы и из деревни тянуло сладковатым дымком соломы—осенним русским дымком.

Квадрат номер восемь

Я узнал о подвиге капитана Горянова, командира первой гаубичной батареи, в ночь накануне наступления. Готовясь к утренней артиллерийской подготовке, артиллеристы в штабе в последний раз проверяли свои таблицы и расчёты. В штабном блиндаже ярко светилась крохотная аккумуляторная лампочка. Командиры батареи склонились над картой, исчерченной синими и красными полукружьями, стрелами и ломаными линиями переднего края немцев. На светлозелёную поверхность карты легли все обнаруженные разведкой и артиллерийскими наблюдателями батареи немцев. Сейчас каждая из наших батарей получала свою цель для поражения в течение тех восьмидесяти минут, какие были отпущены артиллерийской подготовке наступления. Начальник штаба дивизиона отложил в сторону угольник и линейку, сложил карту, и на столе появился дымящийся чайник.

До рассвета оставалось ещё три часа; можно было позволить себе это позднее чаепитие в жарко натопленном штабном блиндаже. Здесь собрались люди, воевавшие с июня сорок первого года, командиры батарей дивизиона, выступившего на фронт в первый день войны. Им было о чём вспомнить в ночь накануне наступления. И, как это бывало часто, заговорили опять о капитане Горянове. Имя этого человека сохранилось в памяти командиров и бойцов дивизиона с того дня, когда наши войска перешли в наступление под Сталинградом.

В день наступления капитан Горянов был там, откуда командир батареи может управлять огнём своих пушек, наблюдая одновременно за результатом каждого выстрела. Он был в боевых порядках пехоты на наблюдательном пункте командира роты, которую поддерживал своим огнём. Наблюдательный пункт представлял собою узкую траншею, заканчивавшуюся маленьким подобием блиндажа со стереотрубой, замаскированной ветвями берёзы. Командир батареи провёл здесь два часа, в течение которых велась артиллерийская подготовка. Он следил за разрывами снарядов, засекал батареи противника, сообщал на свою батарею новые цели. Первая батарея дивизиона стреляла в то утро с такой же меткостью, как и в предыдущих боях. Горянов даже похвалил огневой расчёт второго орудия.

И. Осипов

«Молодцы!—сказал он, взяв трубку телефона у бойца-связиста.— Аккуратно работаете». Эти слова он произнёс в ту минуту, когда гаубичные снаряды второго орудия угодили прямо в немецкую траншею, и даже без бинокля было видно, как взлетели раздробленные брёвна и остатки подбитого пулемёта

Вскоре наша пехота пошла в атаку. Артиллеристы перенесли огонь в глубину вражеской обороны. Пехотинцы побежали вперёд. Оставаться дальше на наблюдательном пункте командира роты было уже не к чему.

Капитан Горянов пополз вперёд. Связиста ранило, и капитан потащил за собой телефонный аппарат, от которого тянулся провод на батарею.

Пехота прошла первую линию немецких траншей. На батарее принят был приказ капитана дать огневой налёт по скоплению немецких грузовиков на шоссе. «Противник подбрасывает резервы,— пояснил капитан, передавая по телефону приказ.—По шоссе идёт колонна машин. Дайте побыстрее...» Он выждал минуту и ещё раз приказал: «По квадрату десять — огонь!» Батарея выполнила приказ своего командира. По квадрату десять она выпустила шесть снарядов. Несколько минут на батарее не слышно было голоса капитана. Горянов находился в районе квадрата номер восемь, и все огневые расчёты напряжённо следили за ходом боя, сверяясь со своими таблицами, не сводя глаз с этого квадрата. Где-то там, среди минных полей немцев, возле кирпичной будки стрелочника, разбитой прямым попаданием снаряда, был их командир. Бой уже перекатился через квадрат восемь.

— Три осколочных по квадрату восемь! — крикнул внезапно телефонист.

К нему подбежал командир огневого взвода.

— Прошу повторить приказание, — сказал он, прижимая к уху трубку телефона.

Капитан вызывал огонь на себя!

На батарее ещё не знали — да и не могли знать, — что произошло за несколько минут до того в квадрате номер восемь. Следуя в боевых порядках наступающей пехоты, капитан Горянов проник за вторую линию немецких траншей. На левом фланге немцы предприняли контратаку. Батальон вражеских автоматчиков отрезал капитана от бойцов наступающей роты. Горянов оказался вблизи контратакующих немцев. Квадрат номер восемь мог стать роковым местом для успеха наступления.

Приказание капитана было вторично принято на батарее, но артиллеристы медлили с открытием стрельбы. Трудно было послать осколочные снаряды в квадрат номер восемь...

А оттуда, из какой-то воронки, оставленной разорвавшимся снарядом, повелительно потребовали: «Немедленно три осколочных! Скорее! Связь может прерваться...» — и артиллеристы повиновались. Прозвучала команда: «Огонь!» Залп. Ещё один. Снаряды накрыли квадрат номер восемь. Батарея стреляла метко, но на этот раз её командир уже не мог похвалить огневые расчёты. Напрасно телефонист кричал в трубку: «Костёр! Костёр! Я Москва!» Костёр не откликался.

Если бы на батарее могли увидеть, что происходит в квадрате номер восемь, то глазам артиллеристов предстала бы картина сорванной контратаки немецкого батальона. Снаряды первой батареи, а вслед за нею и двух соседних гаубичных батарей прижали немцев к земле.

Тело капитана Горянова найдено было в воронке от снаряда. Разбитый телефонный аппарат лежал у его ног. Командир первой батареи Горянов управлял огнём своих гаубиц до последнего вздоха. Артиллеристы похоронили его неподалеку от квадрата номер восемь, запомнив навсегда и это место и подвиг своего командира, павшего смертью героя.

ПРАЗДНИК

Максим Рыльский

Заросший сад, упавший тын,
Ограблен дом родимый...
Так встретился Украйны сын
С Украйною любимой.

— Ой, сыну, сердце запеклось!
Ой, горя было, сыну!
Космой посекшихся волос
Закрыла лоб кручина.

Была под кривдою земля,
Под кривдою кровавой.
Вода, прозрачней хрусталя,
Тут делалась отравой.

Как билась я, седая мать,
Сухой былинкой в поле,
Когда пришлось мне провожать
Твоих сестёр в неволю!

Одна из них в земле чужой
Лежит с тоской недетской,
Но удалось бежать другой
Из каторги немецкой.

И вместе с меньшеньким моим
Податься в партизаны —
В леса, в болота, в сизый дым,
В яруги и туманы.

И получил же лютый зверь
От партизан всю плату!
Целует дочку мать теперь
И брат встречает брата.

Как я глядела вам вослед,
Туда глядела, сыну,
Где ты, твой друг и твой сосед
Дрались за Украину!

Ой, не один там сын полёг
Средь пламени и грома.
Но снова встал ты на порог
Отеческого дома!

Живущим — слава и любовь!
Хвала — полегшим в сече!
За то, что мать воскресла вновь,
За радость нашей встречи.

Входи же, сын, в родимый дом,
Сядь на почётном месте —
Уже весь край наш за столом,
И все друзья тут вместе! —

И говорит ей сын в ответ,
Войдя в свой дом родимый:
— Цветёт, родная, целый свет
Зарёй неугасимой.

Работа стелется сейчас
Живым ковром пред нами.
Москва зовёт сынами нас
И братьями-друзьями.

Народ свой правый суд вершит
За кровь и за обиду,
И слава громкая гудит
Кавказу и Бескиду.

И раны Киев наш водой
Живою обмывает,
И вновь прекрасною звездой
Волна Днепра играет.

И море Чёрное гремит —
До Балтики раскаты.
И снова, матушка, дымит
Очаг родимой хаты.

И каждый колос на земле
Звенит в бескрайной шири:
— Хвала великому в Кремле,
Единственному в мире!

Стол новой скатертью покрыт,
И вот за ним сплочённо
Семья немалая сидит —
Народу миллионы!

Сегодня — праздник, завтра — труд.
Как праздник, чтимый свято.
— За дружбу, за свободный люд,
За кару супостату!

Ковши с медами на столе,
И возгласы на пире:
— Хвала великому в Кремле,
Единственному в мире!

Перевёл с украинского П. Карабан

НА ЗЕМЛЕ ЮГОСЛАВСКОЙ

Я. Жуковский

Горы, горы, горы. Бесконечной грядой тянутся они от края до края земли и уходят вдаль, теряясь в синеватой дымке тумана. Югославия! Страна мужества, страна воин, в глубоком тылу врага поднявшая грозный меч на своих поработителей.

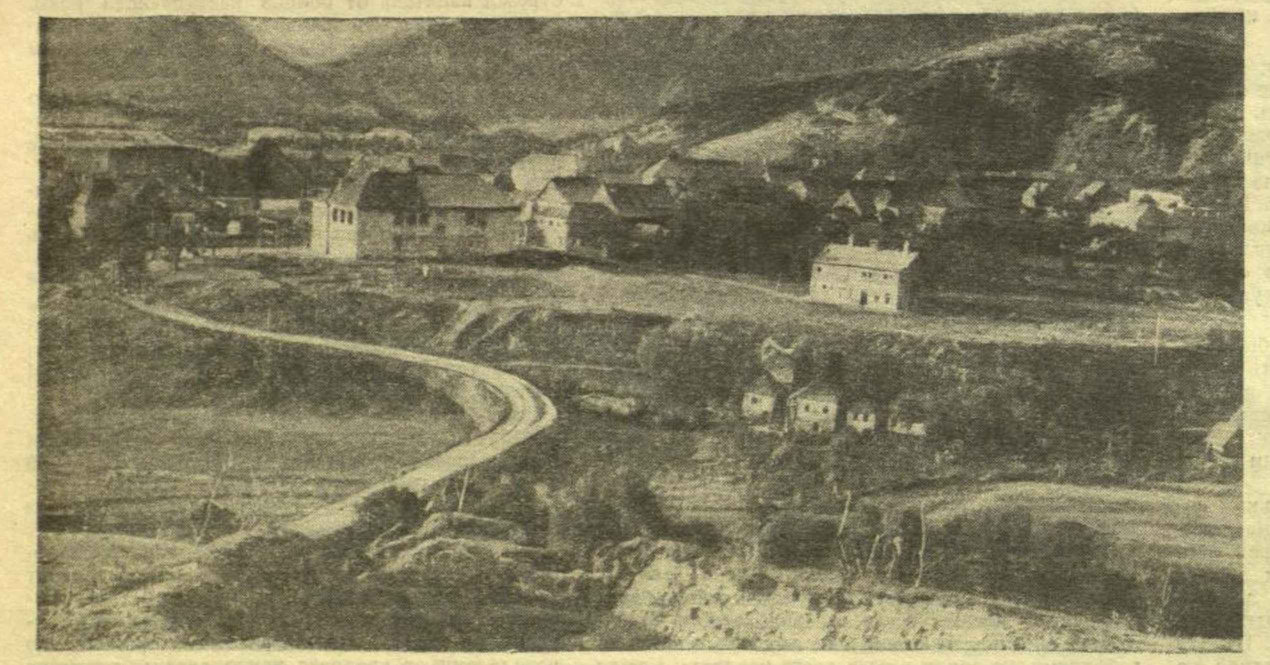
1. СЕРДЦЕ ГОР

Мы пересекли границу в том месте, где горы Сухой Планины опускаются до тысячи метров и провал между двух хребтов образует длинное, извилистое ущелье. В нагроможденье скал, в хаосе камня прорублена узкая тропинка. Ни деревца, ни куста вокруг. Только рыжие скалы, острые и твёрдые, как сталь, только камень и камень.

Проводник Владо, партизан и охотник, по профессии — седельщик, по призванию — поэт, опустился на колени и поцеловал камень дороги.

— Родная земля, здравствуй! — сказал он тихо.

Это была граница. Мы прошли ещё несколько шагов, и вдруг на скале справа, на головокружительной высоте, я прочитал высеченное имя Тито. Буквы были огромны. Только

очень смелый и дерзкий человек мог высечь это имя там, где невозможным кажется самое появление человека.

— Кто это? — спросил я.

Владо улыбнулся:

— Тйто.

Он делал ударение на первом слоге. Так называют Тйто все его соотечественники.

— Тйто,— повторил он с силой.— Тйто!

В горах стояла тишина. Ни шелеста листьев, ни шопота трав не услышишь в этих местах. И в глубоком спокойствии гор имя Тйто, написанное на скале у самой границы и трижды произнесённое старым партизаном, было как пароль для входа на югославскую землю.

— Кто такой Тйто, ты знаешь? — спросил Владо.

— Знаю,— ответил я.

— Хочешь, я расскажу тебе о нашем Тито?

И в тишине гор, в самом начале земли Югославии, в фиолетовых сумерках надвигающейся ночи, Владо спел песню о маршале Тйто. Эта песня сложена в тюрьме. Владо пел её всем заключённым, и когда партизаны шли на смерть, они пели песню о Тйто. Владо бежал из тюрьмы ранним утром. В горах лежал снег. Когда партизан вели через горы, старик в одном месте, будто оступившись, покатился вниз. «Лучше погибнуть в горах, чем от проклятой немецкой пули»,— говорит он. Владо не погиб. И вот эта песня:

«Вы спрашиваете о Тйто: кто он? Рука моя, будь тверда, строчи автомат, строчи! Тйто — это мы, все. И войско, и горы, и лес. Он передовой нашей атаки. Щит наш — Тйто. Разверните знамёна, изрешечённые как решета. Читайте — там пишется биография Тйто...

Имя Тйто! Здесь каждый любовно хранит его глубоко в сердце. Спросите о нём почтенного старца и совсем малого школьника, спросите женщину из горной деревни и пастуха, едущего вам навстречу на муле. И старик, и подросток, и крестьянка, и пастух улыбнутся вам в ответ: в нём, в этом имени, черпает народ силу, и надежду, и ненависть к врагу. Как огромное, могучее сердце гор, пламенеет и клокочет это имя.

Владо привёл меня в партизанский отряд. В одном месте, у расщелины скалы, будто из камня, вырос перед нами часовой. Он посветил тусклым светом фонарика и, узнав моего спутника, молча поздоровался с ним.

— Проходи, друже! — сказал он и снова прижался к стене, став снова невидимым.

В этот предвечерний час в небольшой ложбинке у заброшенной хижины пастуха командир партизанского отряда собрал разведчиков, объясняя им боевую задачу. В горах проходила автомобильная дорога. По ней немцы возили боеприпасы и продовольствие в свою часть, против которой выступила одна из дивизий Народно-освободительной армии Югославии. Партизаны, действуя в тылу врага, взорвали уже однажды эту дорогу на самом крутом повороте. Но немцы спешно принялись за её восстановление. Партизанские разведчики всё время наблюдали за ходом работ, и теперь, когда дорога была уже почти готова, командир посылал своих людей разведать место нового взрыва.

— Взрыв должен произойти,— сказал он,— как раз в то время, когда по дороге пройдёт первый транспорт. Как только у пролома на узкой дороге сгрудится вся колонна, сверху мы забросаем гранатами машины и охрану. Понятно?

Всё было понятно. Разведчики ушли. Они вернутся нескоро. Долог путь в горах. Кажется, вот-вот дом или река, а идти к ней нужно иногда два—три дня.

У костра, на сухой траве, собрались все, кто в этот час был свободен. «Вот мои люди»,— улыбнулся командир. Они из Сербии, из Черногории, из Боснии. Были в отряде и новички из здешних мест. Вот совсем юнец — худощавый парнишка, Зито. Ему шестнадцать лет. В отряд он пришёл три месяца назад вместе со старшим братом. Брата-пулемётчика убили в первом же сраженьи. Зито лежал рядом. Он подполз к пулемёту, оттянул в сторону мёртвое тело брата и посмотрел в прицел. Сквозь узкую щелку он видел немцев, короткими цепями перебегавших с места на место. Зито нажал спуск, крепко прижав к плечу приклад ручного пулемёта. Так 16-летний Зито стал пулемётчиком. Учитель Стоян — из Черногории, он воюет полгода. В Черногории у него брат, сестра и невеста, которую зовут, как и его, Стоянкой. Приходившие в село земляки позвали с собой односельчан. Учитель пошёл с ними. Мать снарядила его на дорогу, Стоянка поцеловала на прощанье. И Стоян, рассказывая об этом, смущается и, как девушка, опускает глаза.

— Вот, побьём немцев, вернусь домой, тогда и поженимся,— мечтает он.

Стоян много рассказывал мне о

Части Народно-освободительной армии Югославии освободили город Колашин. На снимке вверху: общий вид Колашина; внизу: бойцы Народно-освободительной армии проходят по улицам города.

Фото В. Ешурина (ТАСС).

своём крае. Он пел протяжные песни Черногории, рассказывал о людях, сложивших эти песни, о суровых и неприветливых, но милых сердцу черногорца горах родного края.

— По нашей земле не ходить немцу,— говорит Стоян.— Черногорцы не будут рабами. А сейчас, когда с нами Красная Армия, победа рядом. Нас много, и мы сильны.

— А много вас? — спросил я.

— Очень много,— ответил он, и глаза его блеснули.— Нас и русских двести миллионов.

Всего два года существует этот отряд. Было в нём сперва только пять человек, пять смелых народных мстителей, нападавших на немецкие коммуникации. По всей Югославии с боями прошёл он, и люди приходили в отряд отовсюду. Были времена, когда в отряде было до двухсот партизан. Одни оставались проводниками и разведчиками в новых отрядах, встреченных по пути, другие навеки оставались в горах, сражённые немецкой пулей. Тогда приходили новые. Но неизменным все два года остаётся командир. Он молод, ему всего 26 лет, он тоже черногорец. Родных у него нет: мать застрелили четники Михайловича, отца убили немцы. На лице его легли глубокие морщины. Сорок раз водил он своих людей в сраженья с немцами, с четниками, с фашистскими бандами, с изменниками и предателями родины. Взорванные дороги, пущенные с обрыва немецкие транспорты, подожжённые склады с амуницией и боеприпасами оставляет за собой небольшой этот отряд. Сейчас партизаны помогают с тыла регулярным частям югославской Народно-освободительной армии бить немцев. И когда немцы будут здесь окончательно уничтожены, отряд вольётся в армию.

— Я видел Тито,— говорит командир.— Это было два года назад. Он собрал у себя командиров партизанских отрядов и сказал им, что создана народная армия Югославии. «Помогайте нам,— сказал Тито.— Бейте немца с тыла, рвите его коммуникации, жгите его склады». Это стало нашей программой.

...Глубокая ночь повисла над горами. Вверху, в бархате чёрного неба, мягко струится дрожащий свет звёзд. Тихо. И только трещит костёр, большой, жаркий, его пламя поднимается вверх, как пламя гигантской свечи. У такого костра обычно поют песни. И в глубокой тишине красивый, сильный голос запел вдруг протяжную и спокойную, как тысячелетнее спокойствие гор, песню.

Столица Югославии — Белград — в день освобождения от немецких захватчиков. На снимке вверху: советское и югославское знамёна развеваются над городом; внизу: население столицы приветствует советских танкистов.
Фото Е. Халдея и Л. Леонидова (ТАСС)

Это была песня о партизане, бросившем свой дом и семью для великой и священной борьбы с немцами поработителями.

«— Друже, твоя куча гори,

Друже, твоя куча гори»,— пел невидимый в темноте певец. В его голосе слышалась мольба, он звал товарища, горел его дом.

В этом месте песню подхватывают несколько голосов:

«— Ако, ако, ако гори,
Нашет се борба води.
Я не могу кучи ичи,
Борбу оставити».

Пускай, пускай, пускай горит его дом! Здесь идёт борьба, и он не может уйти домой, борьбу оставить. Дважды повторяет хор эту строфу. И так решительно и сильно звучит песня, что дрожь пробирает тело и сердце колотится сильнее.

Снова зовёт одинокий голос:
«— Друже, твоя чеда плаче,
Друже, твоя чеда плаче».
И тогда снова отвечает партизан:
«— Ако, ако, ако плаче,
Нека майка люлю яче.
Я не могу кучи ичи,
Борбу оставити».

А голос, всё более взволнованный зовёт и зовёт:
«— Друже, твоя майка стара,
Друже, твоя майка стара».

Но партизан не может уйти с боевого поста, не может оставить борьбу. Он отвечает: пусть мать одна справляется, он не уйдёт:
«— Ако, ако, ако стара,
Нек се майка снадже сама
Я не могу кучи ичи,
Борбу оставити».

И вот, уже никого нет в его доме. Одна осталась сестра, и опять взывает к товарищу невидимый в темноте голос:
«— Друже, твоя сейа сама,
Друже, твоя сейа сама.
— Акс, ако, ако сама,
Неко сейа подже с нама.
Я не могу кучи ичи,
Борбу оставити».

Пусть сестра пойдёт с нами! И сёстры приходят в отряды и плечом к плечу с братьями ведут трудную, непримиримую борьбу. Я видел в этом отряде девушек. Подруги Любинка и Перка пришли сами к партизанам и попросились в отряд. «Трудно»,— сказал им командир.— «Нет! — ответили девушки.— Дома немцы, там труднее». Партизанки надели тяжёлые сапоги и взяли винтовки и гранаты. Любинка рассказывает, что гранатами она уже убила восемь немцев. Глаза её сияют...

Под утро мы простились, и я снова пошёл через горы. К восходу солнца мы достигли шоссе.

— В этих местах путь свободен,— сказал мне Владо.

Я поехал дальше. Машина помчалась по укатанной дороге вверх, в горы. А внизу всё ещё стоял старый партизан. На нём была короткая зелёная куртка, на плече—автомат. Владо махал пилоткой.

Мы ехали по земле Югославии..

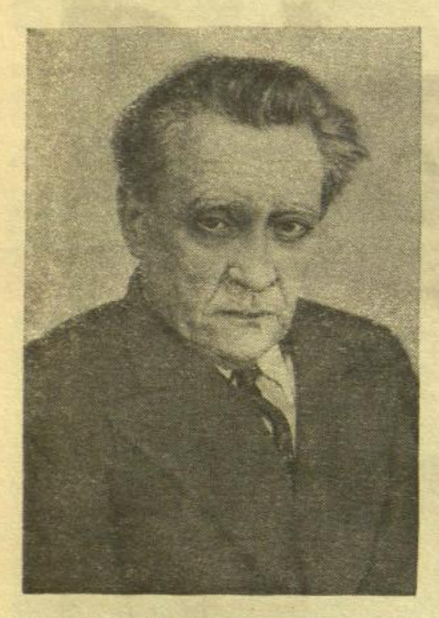
ЕДИНОБОРСТВО СО СМЕРТЬЮ

Л. Огнев

Фото М. Калашниковой и С. Фридлянда

Творческая мысль русских учёных дала богатый материал для изучения проблемы восстановления жизненных функций организма. Первые основы были заложены А. А. Кулябко, Н. П. Кравковым, Ф. А. Андреевым и другими. Они показали принципиальную возможность продолжить жизнь изолированных органов (то есть вынутых из трупа человека) и наметили основные пути к оживлению целого организма. Дальнейшее развитие эта работа получила в лабораториях С. С. Брюхоненко, И. Р. Петрова и других.

В конце прошлого года на один из участков фронта выехала научная бригада для применения новых методов борьбы с преждевременной смертью при различных ранениях. Бригада была организована Главным военно-санитарным управлением Красной Армии и Наркомздравом СССР. Руководителем был назначен заведующий лабораторией экспериментальной физиологии ВИЭМ доктор медицинских наук Владимир Александрович Неговский. В её состав входили: научный сотрудник лаборатории Е. М. Смиренская, старший лейтенант медицинской службы Ю. П. Литвинова и гвардии старший лейтенант медицинской службы П. В. Козлов.

Заслуженный деятель науки профессор Ф. А. Андреев—пионер проблемы оживления

Работа русских и иностранных учёных, личные наблюдения и опыт убедили Неговского, что пришло уже время для решительного дерзания в борьбе с умиранием. Агонию и даже начальный этап смерти можно и нужно лечить так же энергично, как и предшествующее им болезненное состояние организма.

— Но, чтобы уверенно возрождать жизнь, — говорит Неговский, — мы должны были точно знать, как и почему умирает человек, изучить процессы умирания, установить законы угасания и восстановления жизненных функций. Но что такое смерть? Наступает ли она сразу или какое-то время больной находится как бы между жизнью и смертью? Может быть, в первые минуты смерти он ещё близок к жизни и можно приостановить процесс умирания? Чтобы ответить на эти вопросы, я и мои товарищи по работе (Макарычев А. И., Шустер М. И., Гаевская М. С., Смиренская Е. М., Теличева М. И.) в течение нескольких лет изучали, как умирают животные, как постепенно жизнь отлетает от их тела.

Осознав процесс угасания жизни и установив последовательность исчезновения жизненных функций, Неговский решил вмешаться в ход таинственных событий. Смелый, но в то же время глубоко осторожный, он начал экспериментировать на животных.

Неопровержимыми опытами (а всего было проведено около 250 экспериментов на собаках) он установил, что смерть не всегда проявляется как внезапное прекращение жизни. Состоянию истинной биологической и, следовательно, необратимой смерти обычно предшествует период так называемой клинической смерти. Правда, сердце уже не работает, дыхание отсутствует, все рефлексы исчезли, но где-то, в глубине организма, ещё теплится огонёк; если его раздуть, то организм, быть может, воспрянет и найдёт силы к возрождению.

И только когда все основные положения были уточнены, а самая методика оживления разработана, Неговский решил перенести свои работы на человека. Он знал, что его помощь нужна прежде всего на фронте, и поэтому попросил разрешения выехать в части Действующей армии.

* * *

Деятельность бригады протекала в медсанбатах и полевых госпиталях, расположенных в непосредственной близости к переднему краю. Контингент больных — бойцы и офицеры, получившие тяжёлые ранения в области грудной клетки, брюшную полость или конечности. В. А. Неговский и его работники подходили к операционному столу тогда, когда все обычные, известные до сих пор способы спасения жизни больного были исчерпаны.

Всего бригада провела 51 случай оживления. Схематично их можно разбить на три категории: шок третьей степени, агональное состояние и период клинической смерти. Во всех этих случаях, вызванных тяжестью перенесённых ранений, квалифицированные врачи военных медицинских учреждений были уже бессильны бороться дальше за жизнь человека.

Тяжёлое шоковое состояние организма (шок третьей степени), наступающее обычно в результате опасных для жизни ранений и большой потери крови, характеризуется полным упадком жизненных сил и очень часто ведёт к смерти. Через руки В. А. Неговского прошло 18 безнадёжных шоковых больных. Ему удалось спасти 8 человек. В остальных случаях эффект был временным: люди жили по нескольку часов или по нескольку дней, но затем умирали в результате вызванного ранениями поражения основных жизненных органов.

Вот сухое, хроникальное описание некоторых операций по оживлению.

Старшина, трижды орденоносец, Николай Васильевич Коломеец был тяжело ранен на поле боя. Осколки разорвавшегося поблизости снаряда изрешетили его тело; особенно тяжёлые раны были нанесены в области правого бедра. Коломеец был доставлен в госпиталь в безнадёжном состоянии. Пульс не прощупывался, кровяное давление не определялось, дыхание было поверхностным. Больной жаловался: «Духу не хватает».

Ведущий хирург госпиталя майор медицинской службы С. В. Евстратов признал состояние больного неоперабельным. В переводе на житейский язык это значило, что операция была бесполезной и Коломеец умер бы на столе хирурга. Раненый умирал, и квалифицированные врачи, вооружённые всеми знаниями современной медицины, были бессильны его спасти.

В этом состоянии Коломеец был передан В. А. Неговскому. После нагнетания крови и искусственного дыхания самочувствие больного резко улучшилось. Через пятнадцать минут кровяное давление поднялось до нормы, пульс стал отчётливым, дыхание глубоким. Коломеец охотно отвечал на вопросы. Ещё через четверть часа раненый настолько окреп, что хирург Евстратов смог приступить к сложной операции и блестяще закончил её. Спустя несколько дней Коломеец был эвакуирован в тыл в хорошем состоянии.

Большинство проведённых Неговским операций относится к периоду, когда больные уже агонировали. Приведём типичный случай.

Красноармеец Мурсаян Кашапов был доставлен в полевой госпиталь со слепым осколочным ранением живота, при одновременном повреждении брыжейки и петель тонкого кишечника. Его немедленно взяли в операционную. Хирург Евстратов вскрыл брюшную полость, зашил раны брыжейки и кишечника, осушил брюшную полость салфетками, засыпал её порошком стрептоцида и наглухо зашил. Сделано было всё возможное, но сразу после окончания операции наступило резкое ухудшение общего состояния раненого, пульс пропал, дыхание стало прерывистым.

Началась агония. Кашапов умирал, и врачи госпиталя были бессильны что-либо сделать. Тогда Неговский и его сотрудники приступили к оживлению обречённого. Вскоре все признаки агонии исчезли. Спустя час пульс у него определялся в 120 ударов, кровяное давление и дыхание вошли в норму; больной уснул. Через десять дней Кашапов был эвакуирован из госпиталя в тыл в состоянии, не внушающем опасения за его дальнейшую судьбу.

Наибольший интерес, естественно, представляет восстановление жизненных функций организма в тех условиях, когда врачами была уже установлена клиническая смерть. Таких операций было несколько. Оживить полностью удалось пять человек.

Вот что записано в истории болезни № 3187/4:

«Черепанов Валентин Дмитриевич, красноармеец энского гвардейского стрелкового полка. Родился в 1923 году, в гор. Дзержинске, Горьковской обл. Поступил в полевой госпиталь, где начальником майор медицинской службы Я. И. Калашник, 3 марта 1944 г. Диагноз: слепое осколочное ранение средней трети правого бедра с нарушением целости бедренной артерии и вены и повреждением седалищного нерва. Шок 3-й степени. В госпиталь доставлен через два часа после ранения в чрезвычайно тяжёлом состоянии. Пульс нитевидный, дыхание прерывистое, слабое, сознание затемнено».

Сильное кровотечение бедра потребовало немедленного оперативного вмешательства (перевязки бедренных сосудов). Но помощь хирургов оказалась уже бесполезной. После операции состояние больного резко ухудшилось, и через несколько минут он умер. Заключение хирурга госпиталя констатировало: «Смерть последовала от шока и острой кровопотери 3 марта 1944 г. в 19 час. 41 мин. Капитан медицинской службы Л. Дембровская».

В истории болезни записано: «19 час. 41 мин. Раненый находится в состоянии клинической смерти. Пульс не прощупывается, сердце не работает, дыхание отсутствует. Зрачки расширены максимально. Полная аре-

В. А. Неговский со своими сотрудниками в лаборатории. Слева направо: научный сотрудник Е. М. Смиренская, кандидат биологических наук М. И. Шустер, В. А. Неговский и кандидат биологических наук М. С. Гаевская.

флексия, атония (отсутствие рефлексов и тонуса)».

Смерть.

Спустя 3 минуты 30 секунд В. А. Неговский приступил к оживлению Черепанова. Было произведено артерио-венозное нагнетание крови с одновременным применением искусственного дыхания. Через одну минуту начало работать сердце, через три минуты появилось самостоятельное дыхание (вначале — сокращения шейных мышц, потом пришла в движение мускулатура грудной клетки и, наконец, включилась диафрагма). На 22-й минуте стали появляться глазные рефлексы, на 60-й — появились первые признаки восстановления сознания.

Запись в истории болезни: «23.00. Общее состояние больного тяжёлое. Он спит. При оклике легко выводится из сна. Отвечает на вопросы. Просит пить. Жалуется на то, что ничего не видит. Пульс — 114, кровяное давление—70/30, дыхание — глубокое, ровное».

Запись, сделанная в 9 часов утра 4 марта, указывает, что больной чувствует себя лучше. Зрение восстанавливается. Сознание ясное. Перевязка, переливание крови. В 9 часов вечера Черепанова осматривает невропатолог — майор медицинской службы Е. Д. Меламуд. Никаких патологических изменений нет. Состояние больного улучшается. Реагирует на всё. Читает.

5 марта температура раненого неожиданно резко повысилась. Врачи определили левостороннее воспаление лёгких. К счастью, болезнь протекала без особых осложнений. Но когда Черепанов стал уже поправляться, процесс в лёгких внезапно возобновился, затем началась сывороточная болезнь. Он перенёс и эти испытания.

27 марта Черепанова в хорошем состоянии эвакуировали для дальнейшего лечения в тыл. Сейчас он находится в Москве, в клинике ВИЭМ. Недавно Неговский любезно разрешил мне повидать своего пациента. Бывшего «покойника» я застал в вестибюле за игрой в домино с другими выздоравливающими. Черепанов выглядел отлично, чувствовал себя превосходно, шутил, смеялся. Невысокого роста, худощавый, типичное русское лицо с крупными чертами, спокойные глаза и светлые непослушные волосы. Мы вышли в сад, погуляли.

— Вам известно, какую вам сделали операцию?—осторожно спросил я.

— Да, меня вытащили с того света, я ведь был мёртвым,—очень просто сказал Черепанов.

— Что же вы видели на том свете? — поинтересовался я, перестав дипломатничать.

— Я потерял сознание ещё до момента смерти, и оно вернулось ко мне уже по окончании операции. Всё это время я пробыл как бы под наркозом. Я проспал свою смерть! — несколько растерянно и как бы извиняясь, ответил Черепанов.

После мне объяснили, что сознание у умирающего человека исчезает раньше других функций, а восстанавливается позже остальных. Поэтому человек не может заметить момента наступления собственной смерти и, следовательно, не в состоянии делать какие-нибудь наблюдения об этом сокровеннейшем явлении и поделиться ими после возвращения к жизни.

Всего бригада возвратила к жизни 12 тяжелораненых бойцов и офицеров Красной Армии. Все они сейчас живы и здравствуют. В большинстве остальных случаев эффект был временным: больные оживали, оперировались, жили несколько дней или несколько часов, ели, пили, читали книги, писали письма, но в конце концов погибали от тяжести ранений, непоправимо поразивших основные жизненные органы.

* * *

После возвращения с фронта бригада сделала несколько докладов в научных кругах. Учёный Совет Всесоюзного института экспериментальной медицины признал проделанную работу ценной и единодушно её одобрил. Директор ВИЭМ член-корреспондент Академии наук СССР проф. Н. И. Гращенков указывал в своём письменном отзыве: «Материал работы очень оригинален, представляет большой теоретический и практический интерес и особенно актуален в настоящее время, в дни Отечественной войны». К этому мнению целиком присоединились Московское хирургическое общество и другие авторитетные организации.

Но сам Неговский считает свою работу только первой попыткой практического приложения итогов исследовательской деятельности. Правда, он не сомневается в конечных результатах, полагая, что сейчас уже пришло время для систематической и эффективной борьбы с умиранием.

— Разработанный нами метод, — говорит он, — прост, вполне доступен любому врачу и может быть осуществлён в каждом госпитале и медсанбате. Аппаратура крайне несложна и портативна. Выработаны и основные показания для применения этого метода. Дело теперь в том, чтобы не единицы, а массы врачей стали применять более совершенный метод терапии агональных состояний и клинической смерти. Это позволит вернуть к жизни и сохранить для родины многих, так называемых безнадёжных больных и в первую очередь — тяжело раненых бойцов и офицеров.

— При каких ранениях ваш метод даёт основания надеяться на успех?

— Бывают разные ранения, — ответил учёный.— Когда ранение обширно,—скажем, тяжело поражены сердце или лёгкие, — то в таких случаях, понятно, не может стоять вопрос об успешной борьбе с наступающей смертью. Но бывают случаи, когда ранение в ногу или руку вызвало столь обильное кровотечение, что больной гибнет не от тяжести ранения, а от сильной кровопотери. Очень часто и при лёгком ранении, без обильной кровопотери больной всё же погибает от различных, часто не вполне выясненных причин. Бывают и такие случаи, когда молодой, здоровый человек после ранения доставляется в операционную в таком состоянии, в котором он не перенесёт наркоза и самой небольшой операции. Нередки также случаи, когда уже начавшаяся операция прерывается из-за наступающей агонии. Если же вывести больного из этого безнадёжного состояния, он перенесёт операцию и будет жить. Как вам известно, наш опыт подтвердил, что можно успешно бороться за жизнь человека даже после наступления первых признаков смерти.

— Через сколько минут после исчезновения признаков жизни можно ещё надеяться на хороший эффект?— спросил я.

— Ясно одно, что вмешиваться следует по возможности скорее. Если сердце можно оживить спустя даже несколько часов после смерти всего организма, то нервная система требует немедленного вмешательства, так как уже через 5—6 минут после остановки кровообращения в ней наступают необратимые изменения.

— Такой короткий срок! — воскликнул я разочарованно.

— Пять минут в госпитальных или больничных условиях — большое время,— сказал Неговский.— При чёткой организации работы, при правильной расстановке сил, когда каждый участник операции знает своё место и дело, этот срок оказывается не таким уж маленьким и позволяет сделать всё необходимое для спасения жизни человека. Впрочем, я убеждён, что в будущем эти сроки будут значительно увеличены.

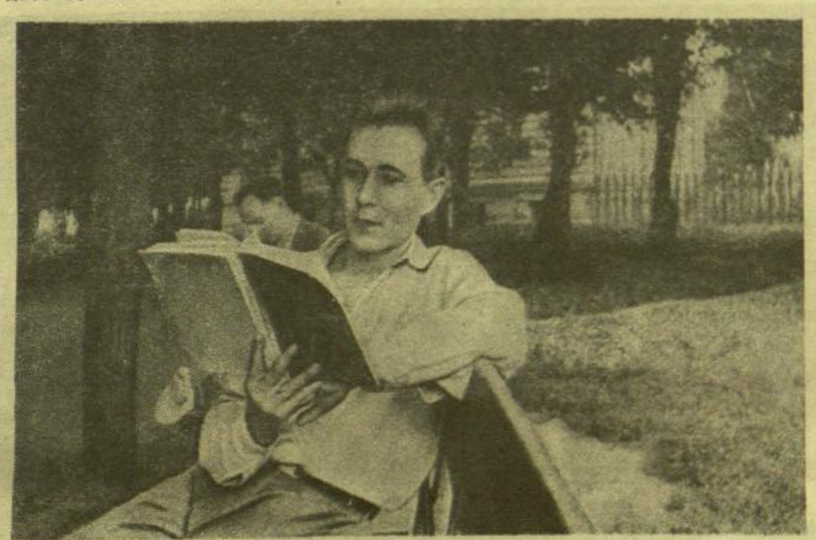
Доктор медицинских наук В. А. Неговский читает письма фронтовиков.

Мы разговорились о перспективах применения нового метода. Если он даёт такие чудодейственные результаты с тяжело ранеными, то в случаях насильственной или внезапной «гражданской» смерти, когда жизненные органы не пострадали, эффект должен быть не меньшим?

— Бесспорно, — уверенно подтвердил мой собеседник.—Я полагаю, что утопленников, угоревших, пораженных электротоком будут оживлять таким путём. Сложность заключается только в организации немедленной помощи. Серьёзную услугу наша методика может оказать при лечении тяжёлых заболеваний сердечно-сосудистой системы. Сколько людей погибает от закупорки сосудов, когда ток крови прерывается запрудой, образовавшейся в кровеносных путях! Ещё несколько толчков сердца—и кровь пробила бы себе дорогу, но сердце сдаёт—и человек умирает. Наш простой аппарат помог бы сердцу в эту трудную минуту, подменил бы его, промыл образовавшуюся пробку и сохранил бы жизнь.

— Возьмите так называемые кризисы при тяжёлых заболеваниях: воспалении лёгких, сыпном и возвратном тифе, скарлатине, дифтерите. В чём там дело? Схематично кризис можно объяснить так: наступает момент, когда обессилевший, истощённый организм, и в первую очередь сердце, уже не в состоянии бороться с болезнью. Но если мы поддержим в этот момент переутомлённое, ослабевшее сердце, организм перешагнёт смертельную черту и человеческая жизнь уцелеет.

Сейчас решается колоссальная проблема: впервые наука пошла в наступление на смерть. Дальнейшее плодотворное развитие проблем восстановления жизненных функций организма может протекать только на базе всё более глубокого теоретического изучения процессов умирания и восстановления. Случайность и эмпиризм, нередко имеющие ещё место в практике оживления, должны всё больше сменяться систематической, уверенной, научно обоснованной борьбой за жизнь людей, находящихся в первой стадии умирания.

Валентин Черепанов, возвращённый к жизни благодаря применению новых методов борьбы с преждевременной смертью.

Литература и искусство

ПЕСНИ РАДОСТИ

Показ в Москве самодеятельности ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО Трудовых резервов СССР.

«Широка страна моя родная...»

Мощной волной несётся знакомая песня со сцены филиала Академического Большого театра. В звучании самодеятельного хора ремесленных училищ она приобрела особый, реальный смысл. Действительно, широка родная страна! Тысячами дорог со всех концов необъятной родины пришла молодёжь в Большой театр, принесла свою радость городу-сердцу.

На Втором всесоюзном показе художественной самодеятельности воспитанников ремесленных училищ была продемонстрирована непобедимая сила народов нашей страны, воля к созиданию, сплоченность, красота труда.

Когда сводный хор поёт гимн Советского Союза, зрители в зале поднимаются в волнении, разделяя внутренний трепет певцов, с гордостью произносящих слова о могуществе и славе родины.

Вот полилась тихая песня украинских бандуристов «Думы, мои думы». Красивые по тембру, певучие голоса с трогательной лиричностью переносят слушателей к берегам Днепра. Когда бархатный детский голос в песне «Днепр» поёт слова «Из твоих глубин ворон воду пил», перед глазами встаёт недавняя трагедия Украины. Но враг изгнан, и уже навсегда теперь вернулась свобода. В радужном вихре лент, плахт мчится счастливая молодость. Зажигательная пляска захватывает зал.

Учащиеся Ростовской области под аккомпанемент казачьей песни «Посылала меня мать за белою глиною» отлично исполнили «Донской казачий пляс». С большим вкусом сделана кадриль учащимися Куйбышевской области и танцевально-вокальная сюита учащимися Татарской АССР. Большое оживление в зале вызывает героический танец казахских степняков. На самодельных конях вылетает на сцену целое казахское войско джигитов. Затем был исполнен прекрасный, ритмический азербайджанский танец со щитами «Яллы». Зноем повеяло со сцены, когда ударили в бубен и стремительно понеслись под родные звуки кеманчи стройные, черноглазые азербайджанцы.

С восхищением смотрит зал на виртуозность и лёгкость грузинского народного танца «Симд» в исполнении учеников грузинских ремесленных школ.

Маленькая Сурия Атахарова — узбечка — грациозно танцует народный детский танец. Интересны узбекский танец девушек «Кари-Ново» с блюдечками и напёрстками и башкирская народная пляска «Гюльназира». Наконец, незабываема по тонкости и исполнению «Тройка» — детский танец, показанный маленькими учениками Сталинградского специального ремесленного училища № 2.

Разнообразие форм, богатство народной выдумки, национальные свойства характеров—всё это ярко вскрыто в песнях и танцах ребят.

Свои мечты, чаяния, юмор, лучшие порывы сердца—всё вкладывает народ в песню. Песенный репертуар показа говорит о высоком вкусе, который прививается нашей молодёжи. В этом несомненная заслуга руководителей кружков, проявивших в своём труде много знания, любви, энергии и выдумки.

С лукавым юмором и задушевностью исполнена песня городского фольклора «Самара-городок» учащимися Куйбышевской области.

Отдельные вокалисты показали хорошее мастерство. М. Скрипко (ремесленное училище № 3 Московской области), отлично фразируя музыкальные предложения, исполнила арию Антониды из оперы «Иван Сусанин».

Стройно поёт хор учеников Белорусской ССР. В песнях «Сяло моё» и «Лянок» ярко обрисован характер белоруса. С большим подъёмом прозвучала «Песня трудовых резервов». С горячим чувством тысяча ребят пропела слова любви и благодарности товарищу Сталину:

«Вперёд, юность золотая,
К победе радостно идя,
Наградой будет дорогая
Улыбка нашего вождя»

Показ художественной самодеятельности ремесленных училищ Государственных трудовых резервов разнообразен по жанрам, богат по формам, хорош по качеству исполнения.

Общее восхищение вызвали гимнастические номера и акробатические этюды. Люба Ходаровская и Володя Ломакин, ученики города Магнитогорска, показали прекрасную тренировку тела, незаурядную технику.

Всесоюзному показу предшествовали районные, городские, областные и республиканские смотры, в которых участвовало 250 тысяч ребят.

Партия и правительство даже в условиях суровейшей войны не прекращали заботы о культурном воспитании трудовых масс. Искусство внедряется в быт рабочего, страна любовно растит будущего гармонического человека.

Наша трудовая молодёжь достойна отцов и братьев, проливающих свою кровь за благо родины. Сидящие в зале и те, на сцене, пришедшие с фабрик и заводов, с гордой уверенностью могли воскликнуть: «Слава родине нашей! Да здравствует Сталин и его национальная политика, слившая в единую, мощную, непобедимую семью народы нашей великой отчизны!»

А. БЕГИЧЕВА

Заключительный концерт Всесоюзного показа художественной самодеятельности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО. Сводный хор исполняет гимн Советского Союза.

Детский танец «Тройка» в исполнении учащихся специального ремесленного училища № 2 Сталинграда (слева); украинские народные пляски в исполнении учащихся Украинской ССР. Фото Е. Тиханова и Е. Игнатович (ТАСС).

В АЛЕКСАНДРОВОЙ СЛОБОДЕ

В. Костылёв

Рисунок Н. Кузьмина

На площадке широкого дворцового перехода из одной избы в другую с резными столбиками, под золотистой широкой кровлей, расположились певчие царского хора. День тёплый, погожий. Желтеющая зелень кустарников, обволакивающая перила перехода, не шелохнётся. Время послеобеденное, солнечное. Воздух чистый, лёгкий, прозрачный: сквозь звёздную ткань клёна озеро своим блеском бьёт в глаза, словно зеркало, играющее с солнцем. В воздухе пахнет рубленой капустой, мятой, рябиной и варёными яблоками.

Московский священник Фёдор и певчий новгородского толка Иван Нос расставили людей по голосам, наказав всем стоять тихо, а при появлении государя дружно, громко, согласно знаменному пению, по мановению руки Фёдора пропеть государю встречу.

Фёдор, высокий, худой, с быстрым, беспокойным взглядом, напряжённо приглядывается к двери государевой половины. Косичка его, чёрная с проседью, слиплась от масла, длинная борода лежала на груди, постепенно суживаясь книзу «стрелой». На нём тёмносиняя ряса. Иван Нос низенького роста, широкий, коренастый с прищуренными, хитрыми глазками. Он одет в нарядный кафтан, обшитый позументом. Певчие разных возрастов, от отроков и до седовласых старцев. На них на всех серые длинные охабни.

Собраны певчие из многих городов. Московским человеком был один Фёдор. Иван Нос — новгородец, ученик прославленного новгородского знатока пения — Саввы Рогова.

О Фёдоре говорили, что он «славен и пети горазд знаменному пению и мнози от него научашеся».

Иноземные гости приходили в восторг, слушая его пение, и даже переманивали к себе, но не таков был Фёдор. Он не желал покидать родину.

Об Иване Носе было известно, что он «роспел в слободе и изчленил[1] триодь постную и цветную, многим святым стихеры».

Хотел Иван Васильевич выписать из Ростова брата Саввы Рогова, бывшего белоозерского игумена, Василия, «зело способного к написанию роспева притчей евангельских», да не вышло: был избран он церковным собором в Ростове митрополитом под именем Варлаама.

В государевом хору подрастали и свои талантливые певцы, как, например, ученик Фёдора — Степан Голыш.

Всё было крепко слажено у государя в хору: «молодые отрочата» переписывали крюковые ноты; «певчие-мужики» наблюдали за тем, чтобы при переписке не было искажений. Не то они свирепо колотили провинившихся отрочат. Фёдор и Иван Нос вместе с царём Иваном Васильевичем перекладывали молитвы и сочинённые самим царём стихиры на ноты.

И вот теперь царь изъявил желание прослушать, как звучит то, над чем он трудился вместе со своим хором уже несколько недель. Правда, ему недосуг было уделять много времени хору, но за всеми другими делами он всё же постоянно посещал «певчую избу».

Иван Васильевич вышел из своих палат в сопровождении царевича Ивана, которого он тоже приучал к пению. На царе был красный с серебряными парчёвыми узорами кафтан, опоясанный голубым кушаком. Волосы его были гладко расчёсаны на прямой пробор. Лицо приветливо. На глубокие, поясные поклоны певчих он ответил ласковым кивком головы.

Хор многоголосо, во всю мочь, ахнул: «Воспойте, людие...»

Окрестные рощи огласились мощным взлётом басов и звонкими голосами юнцов.

Царь с явным удовольствием в выражении лица, неподвижно стоя, выслушал «встречу».

После этого подозвал к себе Фёдора.

— Слыхал я,— молвил он,— в Новгороде зело мудрёную грамоту к распеву надумал некий Иван Якимов Шайдуров. Сам бог, знать, открыл ему ту премудрость. Называл мне один игумен, будто великое удобство ныне от той выдумки последует к пенью.

Иван Васильевич рассказал Фёдору, что вместо крюков у того Шайдурова в нотах «онты», или ещё их зовут,— «пометы». Они должны показывать повышение или понижение голоса. Скорость должна обозначаться крюковой нотой, именуемой «чашкой». А коли гораздо низко петь, надо ставить две буквицы: «гн».— а коли мрачно — «м» Шайдуров всё указал: где петь «борзо», где «ровным гласом», где «тихо».

— Честь и хвала тому новгородцу... Надо его позвать в Москву. Не от иноземцев взял он ту премудрость, а сам умудрился. И слышу я, глядя в его распев, русскую, сельскую нашу песню, христианскую. Слава богу, обошлись мы без немецких мудрецов и в сем деле. Лютерского попа, что навязывал мне своих певунов, изгнал я со двора. Беру я от иноземцев то, что помогает нам растить своё, московское. Чужие, хилые подпорки — для нашего великого царства — не надёжа. Не ими оно держится и крепнет, а своими вековыми дубами. Вот и мореходы нашлись у нас свои, знатные.. люди Студёного моря... Песни пели мне холмогорские вчера во хмелю. Голосисты!..— Иван Васильевич рассмеялся.

В это время дверь отворилась, и гуськом стали выходить боярыни.

— Царица!— громко сказал царь, почтительно вытянувшись для встречи супруги.

Фёдор по мановению руки царя дал знак хору — грянула новая «встреча».

А вот и сама царица. Стройная, чернобровая, какая-то вся сияющая, в осыпанном алмазами кокошнике, одетая в малиновое с блёстками платье, она была прекрасна. Иван Васильевич с нежной улыбкой ответил на глубокий поклон супруги.

И царь и царица сели в заранее приготовленные для них кресла.

— А ну-ка, Федька, заставь молодых отрочат спеть стихирь, что из Троицкого монастыря я привёз тебе...

В наступившей тишине звучные молодые голоса ровно, дружно запели:
«Боголюбна держава самовластная,
Изваянная славою, паче звёзд небесных,
Не токмо в русских концах ведома,
Но и сущим в море далече...»

Вслушиваясь в слова стихиря, Иван Васильевич окидывал всех присутствующих торжествующим, весёлым взглядом; он с видом самодовольства поглаживал обитые бархатом локотники кресла.

Из-под густой бахромы ресниц сверкали лукавой улыбкой чёрные, томные глаза царицы, искоса обращённые к царю.

Да, она одна только знает, что сам царь нашёл у древнего летописца эти строки и велел их переложить на голос. Он хотел, чтоб эту стихиру пели повсеместно в Московском государстве. Царь вчера сказал ей, царице:

— Бог учит человека добру, диавол — злу, а царь и в том и другом самовластен.

Прослушав до конца стихиру, пропетую одними отроческими голосами, царь велел её повторить всем хором. При этом он вскочил с кресла и сам стал управлять хором.

Певчие, вперив в него глаза, со всем усердием старались угодить царю. Пот лился градом с их лиц и от волнения и от напряжения.

Когда стихира кончилась, Иван Васильевич, тяжело дыша, снова сел в кресло и тихо, устало сказал:

— Спойте теперь «Антон козу веде...»

В толпе певчих началось оживление, на лицах и у старых и у малых появились весёлые улыбки.

Бедовыми голосами начали пение малыши, затем последовала дружная волна могучих басов. Протяжно пропетые слова вдруг сменились скороговоркой, жалобный мотив — весёлым, удалым припевом...

И царь и царица громко смеялись, слушая эту шутейную песню. Боярыни сдержанно улыбались, ибо в присутствии государя смеяться им не положено.

День клонился к вечеру. Пахло липовым цветом, было тепло и тихо, безветренно. Только иногда с озера доносились голоса лебединой стаи.

Иван Васильевич поблагодарил певчих, принял их поясной поклон и спустился с царицей в сад, в сопровождении толпы боярынь.

Любил он по вечерам обходить цветники и ягодники богатой садами царской усадьбы в Александровой слободе.

Иван Васильевич вышел из своих палат в сопровождении царевича Ивана..

1 Снабдил пояснительными знаками.
Из романа «Море» (2-я кн. «Ивана Грозного»).

НА ЗАПАДЕ И НА ЮГЕ

ГОЛЛАНДИЯ. Боец голландских внутренних сил сопротивления вместе с солдатом английской армии берёт в плен двух гитлеровцев, обнаруженных в лесу (вверху, справа).

ИТАЛИЯ. Молодые итальянские антифашисты, сражающиеся в одном из партизанских отрядов (ниже, справа).

ФРАНЦИЯ. Французские девушки сбивают немецкие вывески в одном из освобождённых городов Франции (слева, вверху). Внизу, слева: жители города Коломбьер срывают немецкие плакаты и взамен их наклеивают антифашистские плакаты, призывающие к борьбе против гитлеровских захватчиков.

УСЛОВИЯ КАПИТУЛЯЦИИ

Борис Халип

Рисунок А. Житомирского

— С приездом гауляйтера Фредера и полковника войск СС Веркмейера нашему отряду стало очень трудно. Их злобный ум наши партизаны ощутили крепко... Весь лес, в котором мы находились, немцам удалось взять в кольцо, и мы уже несколько дней питались ягодами и грибами, выпекая только для раненых нечто вроде хлеба из остатков проса и муки.

Фашистские самолёты бомбили и обстреливали нас, а потом сбрасывали листовки, в которых обещали прощение партизанам-латышам, которые сдадутся — при условии выдачи командира отряда — русского по национальности... Тому, кто поможет взять его живьём, была обещана награда — двадцать тысяч рублей.

В этот день я заступила на пост в лесу, неподалеку от дороги, по которой ездили фашисты. Приказано мне было наблюдать, не выдавая нашего присутствия на этом участке.

Солнце садилось в густые тучи, надвигалась гроза, и в лесу быстро темнело. Ну вообще-то я знала этот кусок леса, как свой дом родной, и, как только начались дождь и буря, забралась в большое дупло и стала пережидать грозу, не переставая наблюдать при каждом блеске молнии за своим участком.

С каждой минутой ветер и ливень усиливались, деревья шумели, и всё это вместе с частыми раскатами грома и скрипучим стоном вяза, в котором я укрылась, усиливали чувство одиночества, не говоря уже о напоминаниях голодного желудка. Стала я вспоминать свою довоенную жизнь у мамы, на тихой рижской улочке, улыбнулась тому, как я боялась входить в тёмную комнату и как теперь я сижу одна ночью, во время грозы, в лесу... Блеснула молния, и я между деревьями дороги увидела какой-то предмет, которого раньше не замечала. Я насторожилась и при следующем мгновенном освещении убедилась, что действительно появился какой-то, как мне показалось, ящик. Я взяла бинокль и, дождавшись новой вспышки, увидела... гроб, стоящий между деревьями. Вначале я подумала, что ошибаюсь или галлюцинирую, но с каждой новой молнией я убеждалась, что это именно гроб. Массивный гроб, стоявший на каком-то возвышении. Уже этого появления гроба в лесу, ночью, во время грозы, было достаточно, чтобы вызвать у меня чувство неприятного страха...

Гроза стала стихать, из-за туч выглянула луна, и я увидела, что крышка гроба приподнялась, из неё высунулась рука, подвигалась из стороны в сторону и спряталась обратно. Так повторилось несколько раз. Затем из гроба поднялась человеческая фигура... Сознаюсь, такой меня охватил страх, что хотела бежать, но руки и ноги как будто отнялись у меня.

Каким-то нечеловеческим усилием я заставила себя посмотреть ещё раз в бинокль, и увидела, что это — ну кто бы вы думали? Немецкий солдат, самый обыкновенный фриц. Мне сразу стало легче, потому что гитлеровцев я не боялась — ни живых, ни мёртвых.

Большого труда мне стоило удержаться в тот момент и не проверить, как подействует партизанская пуля на этого фрица-призидение, но, вспомния о приказе не обнаруживать себя, сдержалась и стала смотреть, что будет дальше.

Вылезший из гроба фриц взвалил его себе на плечи и, пройдя несколько шагов к дороге, поставил куда-то свою ношу, зажёг фонарь и стал что-то делать. Я услышала фырканье мотоцикла, который он старался завести. Мотор отказывал, и я слышала ругательства, которыми осыпал немец свою машину, советскую погоду и собственную судьбу. Я вылезла из дупла и осторожно стала подбираться к фашисту, стараясь передвигаться в те моменты, когда он нажимал на стартер.

— Я заступила на пост в лесу, неподалеку от дороги...

Подойдя поближе, я увидела, что гроб стоит в коляске мотоцикла и что для удобства завода машины фриц положил свой автомат на крышку гроба. Слишком велик был соблазн, чтобы не воспользоваться таким моментом! Я подползла со стороны коляски, протянула из-за гроба руку за автоматом, взяла его и негромко сказала: «Хенде хох», — предварительно направив дуло на фашиста. Немец не сразу понял, откуда и чей это голос, но руки поднял быстро и только после этого стал обалдело вертеть выпученными глазами...

...Рано утром мы отпустили фрица, отдали ему его мотоцикл с коляской и гробом: оказывается, у гауляйтера Фредера умерла возлюбленная и его денщик ездил в прифронтовую часть к армейскому гробовщику, чтобы заказать ей гроб. В дороге его застиг ливень, и он спрятался в гроб, чтобы не промокнуть, а рукой помахивал, проверяя, кончился ли дождь. Рядом с гробом теперь в коляске уселась я, и мы тронулись в путь. Чтобы ввести немцев в заблуждение, мы притворились, что согласны сложить оружие, но на наших условиях, причём просили не двадцать тысяч рублей, как было обещано, а пятьдесят, чтобы каждому досталось хоть по десять тысяч.

Гауляйтер принял меня очень хорошо, разговаривал со мной по-латышски, говорил, что любит нашу страну и наш язык. Он обещал просимую нами сумму, накормил меня и сказал, что давно партизанам пора за ум взяться. Мы с ним уговорились, что ночью он пришлёт в условленное место отряд эсэсовцев, чтобы взять командира, после того как мы его схватим. Когда я собралась уходить, он остановил меня и сказал: «Ты, девочка, напиши письмо твоим товарищам, где они будут встречать наших людей. Я отошлю письмо с мотоциклистом, который тебя привёз, а ты останешься у нас заложником за мой отряд», — пояснил он.

Напрасно я старалась убедить его, что ничего без меня не выйдет, — гауляйтер был непреклонен и приказал отвести меня в комендатуру, помещавшуюся в первом этаже дома, где он сам жил.

Юмор

Вечер и начало ночи я провела беспокойно: боялась, как бы без меня не вышло какого-либо недоразумения в лесу. Потом я попросила свидания с гауляйтером: будто для того, чтобы сообщить ему кое-какие «подробности», — но дежурный офицер сказал, что он у себя наверху, возле гроба своей возлюбленной, и до выноса тела и похорон, которые состоятся завтра в полдень, беспокоить его нельзя.

Утром сквозь окно я видела, что на панихиду пришло много немецких офицеров и несколько штатских. Я ужасно волновалась, что сюрприз, который приготовили наши подрывники, не получится: ведь пока мы допрашивали мотоциклиста в партизанском штабе, наши минёры заложили под внутреннюю, дощатую обшивку гроба пакет с взрывчаткой, но им было неясно, в какое время нужно обеспечить взрыв: мотоциклист не знал или не хотел назвать дня и часа погребения, — и поэтому пришлось ставить химический взрыватель наобум, примерно с расчётом на сутки.

Но всё удалось очень хорошо: гроб взорвался во время выноса тела из дома; несколько офицеров, полковник и сам гауляйтер, нёсший гроб, остались на месте, вернее от них осталось мокрое место. В комендатуре нас здорово тряхнуло, обвалился потолок, поднялась паника, гитлеровцы стали прыгать в окна и позабыли обо мне, а я хоть и была ушиблена сильно в голову, выбралась на улицу и кое-как добралась до опушки леса на берегу Даугавы. Там я потеряла сознание. Подобрали меня наши ребята.

В этот же день наш отряд с боем прорвал кольцо окружения, причём ударили наши партизаны не в направлении советско-германского фронта, чтобы пробиваться к Красной Армии, и не параллельно линии фронта в леса: там-то нас фашисты больше всего ждали, — а ударили в сторону немецкого тыла. Такой дерзости от нас не предполагали, хотя благодаря ей-то мы и спаслись! К сожалению, полностью наш план не удался: хотели мы поймать в засаду отряд эсэсовцев, который должен быть придти за командиром отряда, да немцы струсили и не явились...

— А «сюрприз» в гробе? А то, что вы сидели в здании, где должен был произойти взрыв, который мог убить и вас? Разве это—недостаточное выполнение плана и не героизм с вашей стороны? — спросил я свою собеседницу Эмилию Судрабиньш.

Этот разговор происходил в одном из прифронтовых госпиталей, где находилась на излечении двадцатилетняя латышская партизанка.

— Нет, конечно, кое-что нам удалось: Фредера, Веркмейера и нескольких офицеров мы ликвидировали удачно. А то, что я сидела в доме, где должен был произойти взрыв, то особого геройства здесь нет. Просто иначе нельзя было: такая наша профессия партизанская — не бояться риска. Ведь и вы тоже не пошли бы предупреждать немцев о взрыве, чтобы спасти свою жизнь?

НАУКА И ТЕХНИКА

В ПОЛЕ ВЫСОКОЙ ЧАСТОТЫ

А. Морозов

Первыми это заметили безвестные радисты, работавшие на ультракоротковолновых передатчиках: деревянные ручки аппаратов, случайно оказавшиеся в поле высокой частоты, обуглились. Учёные, которым был сообщён этот факт, принялись за изучение интересного явления. Через несколько лет токами высокой частоты начали убивать вредных насекомых, лечить людей... Ток высокой частоты нашёл огромное применение в разнообразных областях промышленности.

Закалка металлических изделий представляет собой один из самых трудоёмких и очень ответственных процессов. Честь открытия возможности применения токов высокой частоты для поверхностной закалки металлических деталей принадлежит русским учёным, работавшим во главе с профессором Вологдиным.

Чем выше частота токов, тем они менее глубоко проникают в тело, по которому распространяются. Этим свойством токов высокой частоты и воспользовался проф. Вологдин для поверхностной закалки металлических деталей. Процесс закалки изумительно прост. Деталь помещается в установку, где образуется электрическое поле, меняющееся с требуемой частотой. Токи, распространяющиеся по поверхности изделия, мгновенно нагревают её, и затем деталь либо снимается с установки либо тут же охлаждается струями воздуха или жидкости. Этот способ закалки не даёт брака. Металл можно закалять на любую глубину, меняя частоту тока и время обработки.

Токами высокой частоты обрабатывают не только металлы: ими сушат дерево, зерно, фарфоровые изделия. Деревянные брусья требуют сушки, длящейся около трёх месяцев. Токами высокой частоты эти брусья высушиваются за шесть—восемь часов. В США выпущены машины, в которых ток высокой частоты «шьёт» изделия из различных материалов, применяемых в резиновой и электротехнической промышленностях. Как в обыкновенной швейной машине, рабочий передвигает сшиваемые части материала под «иглой», которая заменена приспособлением, сосредоточивающим в одном, определённом месте нагрев, вызываемый токами высокой частоты. Здесь происходят мгновенное расплавление «сшиваемого» материала и его склеивание, подобно тому как свариваются два металла, подвергнутые высокому местному нагреву. В результате получается исключительно прочный, незаметный шов.

Токами высокой частоты сейчас лечат, управляют механизмами на расстоянии, обрабатывают пищевые продукты — это одна из самых многообещающих областей современной техники. Уже теперь имеются лампы ввиде стеклянных шаров, на внутреннюю поверхность которых нанесено вещество, начинающее ярко светиться под действием поля высокой частоты. Эти шары ни с чем не связаны, у них нет ни проводов, ни контактов. Чтобы зажечь «волшебную лампу», достаточно поставить её на пути токов высокой частоты... Светящийся шар — пример передачи энергии на расстояние без проводов. Настанет время, и токи высокой частоты позволят передавать без проводов неизмеримо большие количества энергии.

Ленинград. Урок фехтования в техникуме физкультуры. Руководит занятиями чемпион Ленинграда 1943 года Р. Рыжкова (вторая слева).

Фото П. Волкова

ЗАМЕТКИ ОХОТНИКА

НА РЫСЬ

В подмосковных лесах водятся рыси. Эти большие лесные кошки бродят по лесам, ловко прыгают по вершинам и сучьям деревьев.

Охотятся на рысей с гончими, облавой, в окладе с флажками, на подманку криком зайца, псковским способом оклада, с погоном без флажков, ловят в капканы и ставят на рысь самострелы.

До войны такими способами охоты в нашей стране ежегодно добывалось от 2500 до 4 тысяч рысей.

ТРОПЛЕНЬЕ РУСАКА

Тропленье русака, т. е. розыск зайца по следу без помощи собаки,— одна из увлекательнейших зимних охот.

Рано утром по пороше охотник обходит поля, кустарники, редколесья, перехватывает след и начинает тропить. Осторожно, с ружьём наготове охотник подвигается к конечной точке узора следа.

Следы, идущие к месту, где заяц жировал, и обратно, охотники называют «маликом». Малик — проводник. Он ведёт охотника к месту лёжки зайца.

Заяц хитёр. Наметив место лёжки, он начинает маскировать свой след. Идёт мелкой трусцой, затягивает овальную петлю или идёт обратно своим следом и затем делает сметку в сторону. Сметка — два—три прыжка, нередко до трёх метров длины.

Со сметки охотник идёт в обход, постепенно суживая круг, или по следу, немного стороной. Он не останавливается, иначе заяц выскочит из укрытия и умчится.

БЕЛАЯ КНИГА ЛЕСА

Медленно кружась, падают на землю снежинки. Они повисают на ветвях деревьев, кустах, на высокой траве. Вдруг снег повалил хлопьями. Подул ветер. Поднялась метель. Такой ночной снегопад на языке охотника называется порошей.

Бисером прострочила поле лисица. Затейливо извилисты и замысловаты заячьи следы. Волчья тропа глубоко пробороздила канавой порошу. Всю эту грамоту ночных звериных повадок прочтёт опытный охотник на открытых страницах белой книги леса — пороши. Где был зверь ночью и куда ушёл спать на день,— об этом утром охотник найдёт полный отчёт. Важен самый последний, наиболее свежий след к звериной лёжке. Безмолвная, немая ночью снежная пелена превращается утром в красноречивого собеседника, заражая охотника-следопыта поэзией охоты по белой тропе.

Известно ли вам...

...что самой крупной из полярных экспедиций была Великая Северная экспедиция, организованная русским правительством в 1732—1743 годах. За эти 11 лет русскими моряками Берингом, Челюскиным, братьями Лаптевыми, Прончищевым и другими была исследована и впервые нанесена на карту береговая линия северного побережья Восточной Европы и всей Азии от Белого моря до Камчатки.

... что берёза выносит холодный климат гораздо лучше, чем всякое другое лиственное дерево? Наибольшая северная широта, где растёт береза,— это 71° для Западной Европы и 63° для Восточной. По мере удаления к северу и югу рост берёзы уменьшается, причём наиболее крупные её экземпляры встречаются в Южной Швеции.

ПО РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

«ТАИНСТВЕННАЯ» РЕКА — КАЯЛА

В гениальном памятнике русского эпоса «Слово о полку Игореве» его неведомый творец несколько раз упоминает реку Каялу, указывая на неё, как на место, где 750 лет назад закончился поход князя Игоря Северского на половцев.

Ни на одной карте, ни в одном энциклопедическом словаре не найти реки Каялы. И начиная с Карамзина историки и исследователи высказывают всё новые предположения и выдвигают всё новые варианты пути князя Игоря в «поле половецком».

Некоторые учёные пришли к выводу, что Каяла — не географическое название. Основываясь в отдельных случаях на корневом родстве слова «Каяла» с глаголом «каяти» (каяться), они рассматривали Каялу как символическую «реку покаяния, скорби и гнева». Другие историки и исследователи принимают за Каялу различные реки в районе Азовского моря, основывая свои предположения главным образом на созвучии названий.

Для изучения этого вопроса была организована научная экспедиция, которая с помощью местных историков, археологов и краеведов проверяла на месте вероятный путь князя Игоря «в поле незнаемом». Экспедиция обследовала район городов Изюма, Святогорска и Славянска, несомненно бывшего местом первоначальных военных действий Игоря. Здесь удалось собрать интересные археологические находки, которые подтверждают предположения историков о том, что в этом месте были крупные половецкие поселения. Затем экспедиция обследовала возможные варианты дальнейшего пути Игоря на восток — в Донбассе и на Дону, а также район нижнего течения Донца.

Экспедиция установила, что местонахождение половецких центров, куда ходил на половцев в 1111 году Владимир Мономах и где он взял половецкие города Шарукань, Сугрев, Балин и другие, был район нынешних городов Изюма и Славянска. Сюда же направился со своими полками и князь Игорь.

Кровавая развязка игорева похода произошла в степном районе, в треугольнике между реками Тором, Донцом и Бхамутской.

Река Каяла — это, несомненно, или река Тор или река Бхамутка. Археология даст окончательный ответ на этот вопрос, и, наконец, будет раскрыта тайна реки Каялы.

Ответственный редактор М. ДОБРЫНИН. Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А5377. 2½ печ. л. Подписано к печати 15/XII—44 г. Изд. № 719. Тираж 100 000. Заказ 2965.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Шахматы

Под редакцией мастера
Н. Зубарёва

ПАРТИЯ № 28

Играна в полуфинале Московского чемпионата 1944 года

Сицилианская

Кобленц (белые)	Кудрин (черные)
1. e2—e4	c7—c5
2. Kg1—f3	Kb8—c6
3. d2—d4	c5 : d4
4. Kf3 : d4	Kg8—f6
5. Kb1—c3	d7—d6
6. Cf1—e2	g7—g6

Так называемый «вариант дракона».

7. Cc1—e3	Cf8—g7
8. Kd4—b3	0—0
9. f2—f4	Cc8—e6
10. g2—g4	. . .

Острое продолжение атаки—чёрные должны играть очень тонко, чтобы избежать опасности.

10. . . .	a7—a5

Новый ход. Лучшей защитой считается 10. d6—d5.

11. f4—f5	Ce6—d7
12. a2—a4	Kc6—b4

Подготавливая d5.

13. g4—g5	Kf6—e8
14. 0—0	Cd7—c6
15. Фd1—d2	d6—d5
16. Лa1—d1	Ke8—d6
17. Фd2—c1!	. . .

Тихий ход, после которого положение чёрных становится критическим. Они не могут продолжать 17. ... de из-за 18. f6! ef; 19. Cc5, выигрывая коня.

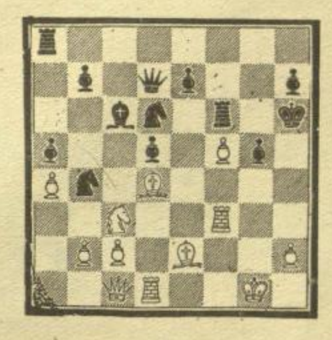
17. . . .	g6 : f5
18. e4 : f5	f7—f6
19. Kb3—c5	f6 : g5

Жертвой качества чёрные надеются ослабить атаку противника. Однако белые находят более сильное продолжение.

20. Kc5—e6	Фd8—d7
21. Ke6 : g7	Kpg8 : g7
22. Ce3—d4+	Kpg7—h6

Несколько лучше 22. ... Лf6.

23. Лf1—f3	Лf8—f6

24. Фc1 : g5+!!	. . .

Эффектная жертва ферзя, ведущая к форсированному мату.

24. . . .	Kph6 : g5
25. Cd4—e3+	Kpg5—h4
26. Лf3—f4+	Kph4—g5
27. h2—h4+	Ввиду неизбежного мата чёрные сдались.

ФРАНК МАРШАЛЛЬ

В США в возрасте 67 лет скончался один из сильнейших шахматистов современности, гроссмейстер Франк Маршалль.

Маршалль неоднократно выходил победителем больших международных турниров. Одним из излюбленных дебютов Маршалля была «русская партия» (дебют Петрова), над теорией которой Маршалль много поработал, охотно применяя её в ответственных встречах.

Маршалль участвовал в Московском международном турнире 1925 года, а также в знаменитом Петербургском турнире 1914 года.

СМЕСЬ

ДРЕВНЕЙШИЕ МЕТЕОРИТЫ

Древнейший из метеоритов, упавших на нынешней территории Советского Союза,—это знаменитый метеорит «Бородино». Он упал 5 сентября 1812 года на Бородинском поле в расположении русских войск, накануне исторической битвы с армией Наполеона.

Второй метеорит — «Новый Урей» — упал в 1886 году в пределах теперешней Горьковской области. В своё время его исследовали профессора Ерофеев и Лачинов, которые впервые нашли в нём мельчайшие кристаллики алмаза.

Третий метеорит — «Августиновка» — весил первоначально около 400 килограммов. Его нашли в 1890 году на территории нынешней Днепропетровской области, на глубине нескольких метров. Это дало основание предполагать большую древность этого метеорита и отнести его падение к третичной эпохе, в отложениях которой он был обнаружен.

Перед нынешней войной известный исследователь метеоритов Л. А. Кулик доставил в метеоритную коллекцию Академии наук СССР части всех этих метеоритов, полученные им из Ленинградского горного музея.

ВРАГИ СВЯЗИ

Связисты Америки и Англии, работающие в тропиках, столкнулись при проводке телефонных и телеграфных линий со многими трудностями. В джунглях у проводов оказалось множество неожиданных врагов. Маленькому бронзовому жуку по вкусу пришлась изоляция полевых телефонных проводов. Он её беспощадно грызёт, и это вызывает частые аварии. Обезьяны постоянно путешествуют по проводам, раскачиваясь на них, пока не запутают или не оборвут. В тех местах, где линии проходят между деревьями, провода для защиты от обезьян пришлось обматывать колючей проволокой.

В Австралии при прокладке линий связи пользуются металлическими столбами, потому что только сталь противостоит покушениям бесчисленных «врагов связи», начиная с крупных животных и кончая микроскопическими грибками. Попытка заменить на одном участке металл деревом окончилась неудачно: через четыре месяца от линии остались только медные провода, фарфоровые изоляторы, железные болты и гайки — всё дерево, до последней щепки, уничтожили белые муравьи.

Удачная окраска изоляторов и столбов способствует их защите от насекомых, птиц и животных. Так например защитная окраска, делающая линию незаметной, заставляет птиц избирать для отдыха другие места. Но кое-где в Африке оказалось необходимым из-за жирафов сделать провода как можно более заметными. Стада жирафов иногда с разбега налетали на провода, подвешенные без учёта их длинных шей. Животные рвали провода и погибали сами. Яркие лоскуты, укреплённые на проводах, предупреждают невольных четвероногих вредителей о грозящей им опасности.

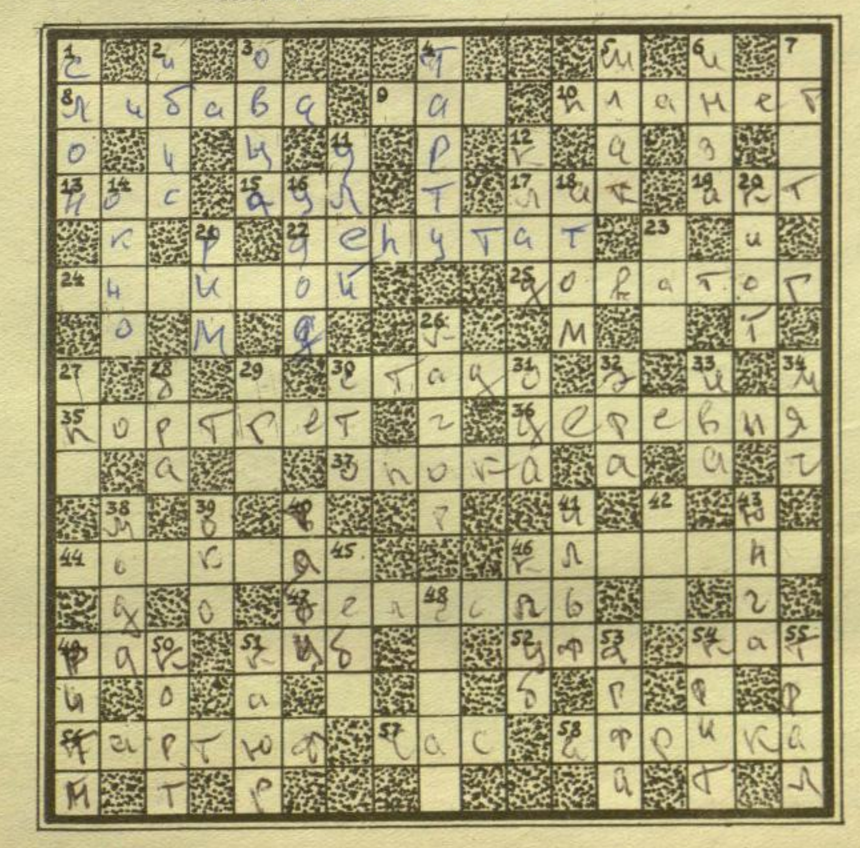
Монтёры, лазящие в лесных дебрях, предварительно учатся оказывать первую помощь себе и товарищам при укусах ядовитых пауков или пресмыкающихся.

Инженеры-связисты хорошо изучили способы защиты линий связи, идущих вдоль проезжих дорог, по улицам оживлённых городов, — для этого разработана стандартизированная система ограждений. Но как сделать, чтобы слон не почесал спину о столб или крокодил не порвал кабеля, опущенные в реку?

Задачи связи приходится решать сейчас вместе с проблемами высокой температуры и влажности в тропиках, песчаных бурь в пустынях, гроз, разливов рек, горных обвалов... Ведь война потребовала проникновения человека в самые глухие уголки земли — либо по чисто военным соображениям либо потому, что там имеются стратегически важные материалы.

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» К. Т. (Москва).

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

8. Старое название города Лепая. 9. Растение. 10. Летательный аппарат. 13. Передняя часть судна. 15. Горное селение. 17. Раствор смолы. 19. Отдельная часть пьесы. 22. Член совета трудящихся. 24. Герой древнего мифа. 25. Советский генерал, герой Отечественной войны. 30. Группа животных. 35. Изображение человека. 36. Селение 37. Ящик, в котором делается форма для литья. 44. Грузоподъёмный механизм. 46. Вздутая часть стебля. 47. Оптический прибор. 49. Водяное животное. 51. Термин в математике. 52. Столица автономной советской республики. 54. Палач. 56. Герой пьесы Мольера. 57. Мера времени. 58. Часть света.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Шахматная фигура. 2. Птица. 3. Домашнее животное. 4. Город в Эстонии. 5. Отходы в литейном производстве. 6. Узловая железнодорожная станция. 7. Животное. 11. Жилище насекомых. 12. Ценности, зарытые в земле. 14. Световой проём в здании. 16. Птица. 18. Мельчайшая частица вещества. 20. Божница. 21. Столица европейского государства. 23. Сосуд. 26. Марка вина. 27. Город в Бельгии. 28. Стенной подсвечник. 29. Озеро в Америке. 30. Трёхзначное число. 31. Хвалебное стихотворение. 32. Промежуток времени, отмеченный великим событием. 33. Дерево. 34. Принадлежность игры. 38. Изменяющееся направление в покрое одежды, вкусах и пр. 39. Глаз. 40. Запрет. 41. Советский писатель. 42. Город в Финляндии. 43. Подросток, обучающийся профессии моряка. 45. Река в Европе. 46. Культурно-просветительное учреждение. 48. Музыкальный инструмент. 49. Равномерное чередование звуков, движений. 50. Спортивная площадка. 51. Погонщик собак. 53. Музыкальный инструмент. 54. Остров в Средиземном море. 55. Приспособление для вылавливания мин из воды.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЁННЫЙ В № 45—46 «ОГОНЬКА»

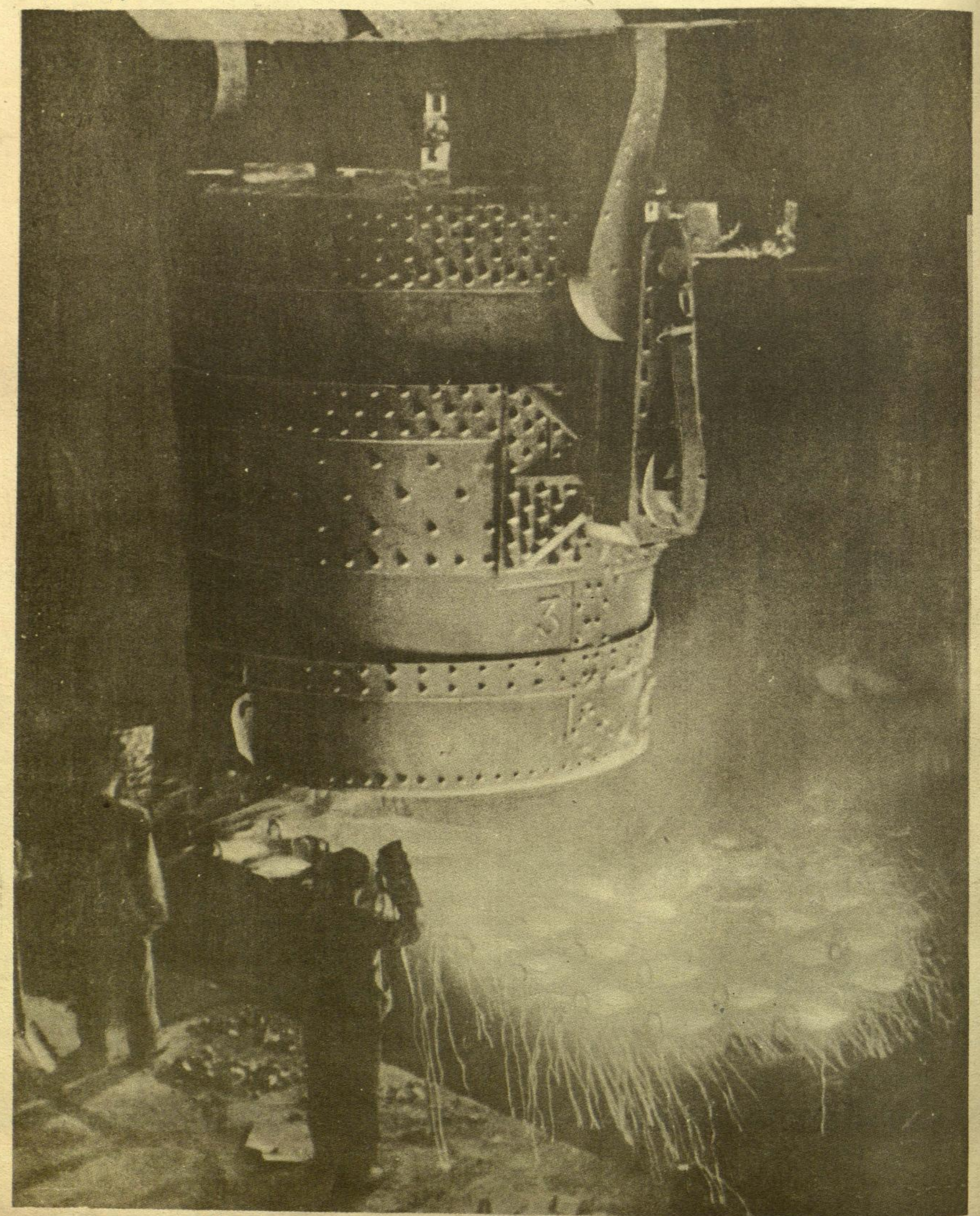
ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Винтовка. 5. Авангард. 9. Сак. 10. Нора. 12. Убор. 13. Драма. 15. Онега. 16. Инд. 18. Рота 19. Тирания. 22. Лшет. 23. Га. 24. Юм. 25. Дуб. 27. Эхо. 30. Янк. 33. Бор. 35. Ура. 36. Бой. 37. Вол. 38. Кан. 39. Амо. 41. Жан. 42. Сад. 45. До. 47. Ну. 49. Мина. 50. Бастион. 53. Удав. 54. Аул. 55. Топор. 56. Ангар. 58. Морс. 61. Кокс. 62. Акр. 63. Лиссабон. 64. Династия.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Виноград. 2. Норд. 3. Висмут. 4. Асс. 5. Акт. 6. Агония 7. Арба. 8. Директор. 11. Аркан. 12. Уголь. 14. Яна. 16. Ира. 17. Дно. 20. Иго. 21. Имя. 26. Уха. 27. Эра. 28. Хам. 29. Дот. 31. Ива. 32. Кон. 34. Ока. 38. Комсомол. 40. Ода. 41. Жуо. 43. Диверсия. 44. Насос. 46. Оса. 47. Нил. 48. Кулак. 50. Баобаб. 51. Туз. 52. Нансен. 55. Трус. 57. Рост. 59. Сан. 60. Ярд.

Цена 1 руб.

1-й мартеновский цех металлургического завода «Серп и молот». Разлив металла в изложницы.

Фото Г. Воронова